

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ROSSICA INEDITA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ЦЕНТР ИСТОРИИ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ ШКОЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ПИСЬМА И БУМАГИ
ПРИБЫЛЬЩИКА
АЛЕКСЕЯ
КУРБАТОВА

(1700–1720-е годы)

Составители и научные редакторы
Дмитрий Серов, Анастасия Видничук,
Анна Жуковская, Игорь Федюкин

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА, 2023

УДК 929:94(47).05
ББК 63.2+63.3(2)51
П35



<https://elibrary.ru/zsrgrkc>

Издание подготовлено при поддержке
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Серия основана в 2018 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Департамента истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге *Евгений Анисимов*; доктор исторических наук, профессор, руководитель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ *Александр Каменский*; PhD, доцент Университета ШанхайТех (Шанхай, Китай) *Игорь Федюкин*

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Игорь Федюкин

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук *Дмитрий Редин*;
кандидат исторических наук *Галина Бабкова*

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ К ПУБЛИКАЦИИ:

Дмитрий Серов, *Анастасия Видничук*

СОСТАВИТЕЛИ И НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Дмитрий Серов, *Анастасия Видничук*, *Анна Жуковская*, *Игорь Федюкин*

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ:

Дмитрий Серов, *Анна Жуковская*

ДИЗАЙН СЕРИИ: ABCdesign

В оформлении обложки использован фрагмент голландской гравюры 1765 г. с изображением панорамы Архангельска XVIII в.

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2329-2

ISBN 978-5-7598-2329-2 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2870-9 (e-book)

© Научные статьи. Серова И.А. (наследник),
Жуковская А.В., 2023
© Составление. Серова И.А. (наследник),
Видничук А.О., Жуковская А.В., Федюкин И.И., 2023
© Составление указателя. Видничук А.О., 2023

Содержание

- 15 От редакторов
23 Список сокращений
- 25 *ДМИТРИЙ СЕРОВ. КРУГИ СУДЬБЫ ПРИБЫЛЬЩИКА АЛЕКСЕЯ КУРБАТОВА*
- 69 *АННА ЖУКОВСКАЯ. БОГУ РАБОТНИК, ЦАРЮ СЛУГА. ОТЕЧЕСТВУ ГРАЖДАНИН*
- 127 *И. А.А. КУРБАТОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ*
- 128 1700 год
- 128 № 1. А.А. Курбатов и А.А. Беляев — Петру I
129 № 2. А.А. Курбатов — Петру I, первая половина марта 1700 г.
131 № 3. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 марта 1700 г.
134 № 4. А.А. Курбатов — Петру I, 20 марта 1700 г.
135 № 5. А.А. Курбатов — Петру I, 25 октября 1700 г.
- 137 1701 год
- 137 № 6. А.А. Курбатов — Петру I, 22 июня 1701 г.
140 № 7. А.А. Курбатов — Петру I, 22 июня 1701 г.
142 № 8. А.А. Курбатов — Петру I, 1701 г.
143 № 9. А.А. Курбатов — Петру I, 1701 г.
144 № 10. А.А. Курбатов — Петру I, 1701 г.
- 146 1702 год
- 146 № 11. Ф.А. Головин — Л.А. Домнину и А.А. Курбатову,
3 мая 1702 г.
147 № 12. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину,
4 мая 1702 г.
148 № 13. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину,
15 мая 1702 г.
150 № 14. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину,
18 мая 1702 г.

- 151 № 15. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 27 мая 1702 г.
- 152 № 16. Ф.А. Головин — Л.А. Домнину и А.А. Курбатову, 30 мая 1702 г.
- 153 № 17. Ф.А. Головин — Л.А. Домнину и А.А. Курбатову, июнь 1702 г.
- 154 № 18. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 4 июня 1702 г.
- 156 № 19. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 июня 1702 г.
- 159 № 20. Ф.А. Головин — Л.А. Домнину и А.А. Курбатову, 1702 г.
- 160 № 21. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 июня 1702 г.
- 162 № 22. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 2 июля 1702 г.
- 164 № 23. Ф.А. Головин — Л.А. Домнину и А.А. Курбатову, 11 июля 1702 г.
- 165 № 24. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 июля 1702 г.
- 167 № 25. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 июля 1702 г.
- 168 № 26. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 23 июля 1702 г.
- 170 № 27. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 24 июля 1702 г.
- 171 № 28. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 6 августа 1702 г.
- 172 № 29. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 7 августа 1702 г.
- 173 № 30. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 28 августа 1702 г.
- 175 № 31. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 9 сентября 1702 г.
- 176 № 32. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 18 сентября 1702 г.
- 178 № 33. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 2 октября 1702 г.
- 179 № 34. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 октября 1702 г.
- 180 № 35. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 октября 1702 г.
- 181 № 36. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 23 октября 1702 г.
- 182 № 37. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 23 октября 1702 г.
- 183 1703 год
- 183 № 38. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 26 марта 1703 г.
- 184 № 39. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 2 апреля 1703 г.
- 185 № 40. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 9 апреля 1703 г.

- 187 № 41. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 12 апреля 1703 г.
- 188 № 42. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 14 апреля 1703 г.
- 189 № 43. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 апреля 1703 г.
- 191 № 44. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 апреля 1703 г.
- 192 № 45. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 23 апреля 1703 г.
- 193 № 46. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 23 апреля 1703 г.
- 194 № 47. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 26 апреля 1703 г.
- 195 № 48. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 27 апреля 1703 г.
- 196 № 49. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 30 апреля 1703 г.
- 197 № 50. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 30 апреля 1703 г.
- 198 № 51. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 14 мая 1703 г.
- 199 № 52. А.А. Курбатов — Петру I, 14 мая 1703 г.
- 201 № 53. А.А. Курбатов — Петру I, 1703 г.
- 204 № 54. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 28 мая 1703 г.
- 205 № 55. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 28 мая 1703 г.
- 207 № 56. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 4 июня 1703 г.
- 209 № 57. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 11 июня 1703 г.
- 210 № 58. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 11 июня 1703 г.
- 211 № 59. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 25 июня 1703 г.
- 216 № 60. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 9 июля 1703 г.
- 219 № 61. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 16 июля 1703 г.
- 220 № 62. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 23 июля 1703 г.
- 222 № 63. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 28 июля 1703 г.
- 223 № 64. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 9 августа 1703 г.
- 224 № 65. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 13 августа 1703 г.
- 226 № 66. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 20 августа 1703 г.

- 227 № 67. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 27 августа 1703 г.
228 № 68. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину,
27 августа 1703 г.
230 № 69. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину,
10 сентября 1703 г.
232 № 70. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину,
24 сентября 1703 г.
236 № 71. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 30 сентября 1703 г.
237 № 72. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину,
31 сентября 1703 г.
239 № 73. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 1703 г.
241 № 74. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину,
22 октября 1703 г.
242 № 75. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 1703 г.
244 № 76. Л.А. Домнин и А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 1703 г.
245 № 77. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 1703 г.

247 1704 год

- 247 № 78. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 18 февраля 1704 г.
248 № 79. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 19 марта 1704 г.
250 № 80. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 24 марта 1704 г.
251 № 81. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 29 марта 1704 г.
252 № 82. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 31 марта 1704 г.
254 № 83. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 5 апреля 1704 г.
255 № 84. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 5 апреля 1704 г.
257 № 85. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 7 апреля 1704 г.
258 № 86. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 7 апреля 1704 г.
259 № 87. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 12 апреля 1704 г.
260 № 88. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 21 апреля 1704 г.
262 № 89. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 21 апреля 1704 г.
263 № 90. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 28 апреля 1704 г.
264 № 91. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 5 мая 1704 г.
266 № 92. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 5 мая 1704 г.
267 № 93. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 5 мая 1704 г.
269 № 94. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 12 мая 1704 г.
270 № 95. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 19 мая 1704 г.
271 № 96. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 26 мая 1704 г.
274 № 97. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 9 июня 1704 г.
276 № 98. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 23 июня 1704 г.

- 279 № 99. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 23 июня 1704 г.
280 № 100. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 30 июня 1704 г.
283 № 101. А.А. Курбатов — Петру I, 3 июля 1704 г.
285 № 102. А.А. Курбатов — Петру I, 1704 г.
287 № 103. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 2 августа 1704 г.
288 № 104. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 2 августа 1704 г.
289 № 105. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 18 августа 1704 г.
290 № 106. А.А. Курбатов — Петру I, 24 августа 1704 г.
292 № 107. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, август 1704 г.
294 № 108. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 3 сентября 1704 г.
296 № 109. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 3 сентября 1704 г.
297 № 110. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 18 сентября 1704 г.
298 № 111. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 10 октября 1704 г.
300 № 112. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 13 октября 1704 г.
301 № 113. А.А. Курбатов — Ф.А. Головину, 17 ноября 1704 г.

302 1705 год

- 302 № 114. Справка из Ратуши, февраль 1705 г.
308 № 115. А.А. Курбатов — Петру I, 25 февраля 1705 г.
309 № 116. А.А. Курбатов — Петру I, 7 марта 1705 г.
310 № 117. Петр I — А.А. Курбатову, 19 марта 1705 г.
311 № 118. А.А. Курбатов — Петру I, 23 марта 1705 г.
312 № 119. А.А. Курбатов — Петру I, 26 марта 1705 г.
313 № 120. Петр I — А.А. Курбатову, 19 апреля 1705 г.
314 № 121. Петр I — А.А. Курбатову, 20 июня 1705 г.
315 № 122. Петр I — А.А. Курбатову, 6 октября 1705 г.
316 № 123. А.А. Курбатов — Петру I, 17 октября 1705 г.
319 № 124. А.А. Курбатов — Петру I, 27 октября 1705 г.
320 № 125. А.А. Курбатов — Петру I, 12 ноября 1705 г.
321 № 126. Петр I — А.А. Курбатову, 25 ноября 1705 г.

322 1706 год

- 322 № 127. А.А. Курбатов — Петру I, 11 января 1706 г.
324 № 128. Петр I — А.А. Курбатову, 7 марта 1706 г.
325 № 129. Петр I — А.А. Курбатову, 15 марта 1706 г.
326 № 130. А.А. Курбатов — Петру I, 18 марта 1706 г.
327 № 131. Петр I — А.А. Курбатову, 3 апреля 1706 г.
329 № 132. А.А. Курбатов — Петру I, 10 апреля 1706 г.
332 № 133. А.А. Курбатов — Петру I, 12 апреля 1706 г.

- 333 № 134. А.А. Курбатов — Петру I, 19 апреля 1706 г.
335 № 135. А.А. Курбатов — Петру I, 20 мая 1706 г.
336 № 136. А.А. Курбатов — Петру I, 31 мая 1706 г.
337 № 137. А.А. Курбатов — Петру I, 11 июня 1706 г.
339 № 138. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 20 июля 1706 г.
341 № 139. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, июль 1706 г.
343 № 140. А.А. Курбатов — Петру I, 4 октября 1706 г.
345 № 141. А.А. Курбатов — Петру I, 21 октября 1706 г.
348 № 142. Петр I — А.А. Курбатову, 17 ноября 1706 г.
349 № 143. А.А. Курбатов — Петру I, 18 ноября 1706 г.
351 № 144. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 27 ноября 1706 г.
353 № 145. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 29 ноября 1706 г.
354 № 146. А.А. Курбатов — Петру I, 2 декабря 1706 г.
356 № 147. Петр I — А.А. Курбатову, 19 декабря 1706 г.

357 1707 год

- 357 № 148. Петр I — А.А. Курбатову, 4 февраля 1707 г.
358 № 149. Петр I — А.А. Курбатову, 11 февраля 1707 г.
359 № 150. Петр I — А.А. Курбатову, 13 февраля 1707 г.
360 № 151. Петр I — А.А. Курбатову, 19 февраля 1707 г.
361 № 152. Петр I — А.А. Курбатову, 5 марта 1707 г.
362 № 153. Петр I — А.А. Курбатову, 11 марта 1707 г.
363 № 154. Петр I — А.А. Курбатову, 14 марта 1707 г.
364 № 155. Петр I — А.А. Курбатову, 30 марта 1707 г.
365 № 156. Петр I — А.А. Курбатову, 24 апреля 1707 г.
366 № 157. Петр I — А.А. Курбатову, 29 апреля 1707 г.
367 № 158. Петр I — А.А. Курбатову, 2 мая 1707 г.
368 № 159. Петр I — А.А. Курбатову, 3 мая 1707 г.
369 № 160. Петр I — А.А. Курбатову, 19 мая 1707 г.
370 № 161. Петр I — А.А. Курбатову, 13 июня 1707 г.
371 № 162. А.А. Курбатов — Петру I, 4 июля 1707 г.
372 № 163. Петр I — А.А. Курбатову, 6 июля 1707 г.
373 № 164. Петр I — А.А. Курбатову, 6 августа 1707 г.
374 № 165. Петр I — А.А. Курбатову, 8 августа 1707 г.

375 1708 год

- 375 № 166. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 2 июля 1708 г.
377 № 167. Г.И. Головкин — А.А. Курбатову, 10 июля 1708 г.
378 № 168. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 23 июля 1708 г.

- 379 № 169. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 5 августа 1708 г.
381 № 170. Г.И. Головкин — А.А. Курбатову, 6 августа 1708 г.
382 № 171. Петр I — А.А. Курбатову, 22 сентября 1708 г.
383 № 172. А.А. Курбатов — А.Д. Меншикову, 26 ноября 1708 г.
385 № 173. Г.И. Головкин — А.А. Курбатову, 1708 г.
- 386 1709 год
- 386 № 174. А.А. Курбатов — Петру I, 21 января 1709 г.
387 № 175. Петр I — А.А. Курбатову, 25 января 1709 г.
388 № 176. А.А. Курбатов — Петру I, 28 января 1709 г.
390 № 177. А.А. Курбатов — Петру I, 4 февраля 1709 г.
391 № 178. Петр I — А.А. Курбатову, 8 февраля 1709 г.
392 № 179. А.А. Курбатов — Петру I, 18 февраля 1709 г.
394 № 180. А.А. Курбатов — Петру I, 23 февраля 1709 г.
395 № 181. Петр I — А.А. Курбатову, 25 февраля 1709 г.
396 № 182. А.А. Курбатов — П.П. Шафирову, 25 февраля 1709 г.
397 № 183. А.А. Курбатов — Петру I, 22 июля 1709 г.
399 № 184. Петр I — А.А. Курбатову, 9 августа 1709 г.
400 № 185. А.А. Курбатов — Петру I, 19 августа 1709 г.
401 № 186. Петр I — А.А. Курбатову, 31 августа 1709 г.
402 № 187. А.А. Курбатов — Петру I, 28 октября 1709 г.
- 404 1710 год
- 404 № 188. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 25 марта 1710 г.
405 № 189. А.А. Курбатов — Петру I, 19 сентября 1710 г.
407 № 190. А.А. Курбатов — Петру I, 4 октября 1710 г.
408 № 191. А.А. Курбатов — Петру I, 20 октября 1710 г.
410 № 192. А.А. Курбатов — Петру I, 5 ноября 1710 г.
- 412 1711 год
- 412 № 193. Петр I — А.А. Курбатову, 24 февраля 1711 г.
413 № 194. Петр I — А.А. Курбатову, 6 июня 1711 г.
414 № 195. Петр I — А.А. Курбатову, 24 декабря 1711 г.
- 415 1712 год
- 415 № 196. Петр I — А.А. Курбатову, 8 апреля 1712 г.
416 № 197. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 2 мая 1712 г.
417 № 198. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, июнь 1712 г.
418 № 199. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 28 августа 1712 г.
419 № 200. Петр I — А.А. Курбатову, 27 сентября 1712 г.

420 1713 год

- 420 № 201. Дело о выплате денежного жалования
А.А. Курбатову за 1711 и 1712 гг.,
21 января — 1 апреля 1713 г.
- 424 № 202. А.А. Курбатов — Петру I, 12 февраля 1713 г.
- 429 № 203. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 16 апреля 1713 г.
- 431 № 204. Петр I — А.А. Курбатову, 28 апреля 1713 г.
- 432 № 205. Петр I — А.А. Курбатову, 3 июля 1713 г.
- 433 № 206. Петр I — А.А. Курбатову, 7 июля 1713 г.
- 434 № 207. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 7 июля 1713 г.
- 435 № 208. Петр I — А.А. Курбатову, 14 июля 1713 г.
- 436 № 209. Петр I — А.А. Курбатову, 25 июля 1713 г.
- 437 № 210. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 4 августа 1713 г.
- 440 № 211. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 4 августа 1713 г.
- 441 № 212. Указ Сената А.А. Курбатову, 18 августа 1713 г.
- 442 № 213. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 27 августа 1713 г.
- 444 № 214. Петр I — А.А. Курбатову, 20 сентября 1713 г.
- 445 № 215. Петр I — А.А. Курбатову, 2 октября 1713 г.
- 446 № 216. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 26 октября 1713 г.
- 448 № 217. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 26 октября 1713 г.
- 451 № 218. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 26 октября 1713 г.
- 452 № 219. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 4 ноября 1713 г.
- 456 № 220. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 4 ноября 1713 г.
- 457 № 221. Петр I — А.А. Курбатову, 6 ноября 1713 г.
- 458 № 222. Петр I — А.А. Курбатову, 20 ноября 1713 г.
- 459 № 223. Петр I — А.А. Курбатову, 27 ноября 1713 г.
- 460 № 224. Петр I — А.А. Курбатову, 3 декабря 1713 г.
- 461 № 225. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 19 декабря 1713 г.

463 II. А.А. КУРБАТОВ — ПОДСЛЕДСТВЕННЫЙ

464 1714 год

- 464 № 226. М.И. Волконский — Петру I, 14 апреля 1714 г.
- 465 № 227. Петр I — М.И. Волконскому, 3 мая 1714 г.
- 466 № 228. Петр I — П.Е. Лодыженскому и А.И. Ушакову,
9 мая 1714 г.
- 467 № 229. А.А. Курбатов — Г.И. Головкину, 17 мая 1714 г.
- 468 № 230. Указ А.А. Курбатову, 1 июня 1714 г.
- 469 № 231. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 8 августа 1714 г.

- 473 1715 год
- 473 № 232. Петр I — М.И. Волконскому, 17 марта 1715 г.
- 474 № 233. Ф.Д. Воронов — А.В. Макарову, 13 сентября 1715 г.
- 476 1716 год
- 476 № 234. Петр I — Г.И. Кошелеву и Ф.Д. Воронову, 27 января 1716 г.
- 477 № 235. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 13 апреля 1716 г.
- 479 № 236. А.А. Курбатов — Петру I, 18 июня 1716 г.
- 480 № 237. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 20 июля 1716 г.
- 481 № 238. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 26 октября 1716 г.
- 482 № 239. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 26 октября 1716 г.
- 483 № 240. А.А. Курбатов — Петру I, 26 октября 1716 г.
- 485 1718 год
- 485 № 241. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 20 февраля 1718 г.
- 488 № 242. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 17 апреля 1718 г.
- 490 № 243. Запись устного сообщения А.А. Курбатова,
6 июня 1718 г.
- 491 № 244. А.А. Курбатов — Петру I, 2 июля 1718 г.
- 494 1719 год
- 494 № 245. А.А. Курбатов — Петру I, 7 января 1719 г.
- 495 № 246. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 13 февраля 1719 г.
- 496 № 247. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 1 июня 1719 г.
- 497 1720 год
- 497 № 248. Указ А.А. Курбатову, 15 марта 1720 г.
- 498 № 249. А.А. Курбатов — Петру I, 16 мая 1720 г.
- 499 № 250. А.А. Курбатов — Петру I, 16 декабря 1720 г.
- 501 № 251. Записка А.А. Курбатова, направленная в царский
Кабинет, декабрь 1720 г.
- 505 № 252. А.А. Курбатов — Петру I, 1720 г.
- 507 1721 год
- 507 № 253. А.А. Курбатов — Петру I, март 1721 г.
- 509 № 254. Мемориал М.А. Матюшкина, 1721 г.
- 510 № 255. Выписка о долгах А.А. Курбатова, 1721 г.
- 512 № 256. Выписка о долгах А.А. Курбатова, 1721 г.
- 514 № 257. Пункты-предложения А.А. Курбатова, 1721 г.
- 523 № 258. Предложение А.А. Курбатова о соляном промысле, 1721 г.

- 525 № 259. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 6 апреля 1721 г.
- 526 № 260. А.А. Курбатов — А.В. Макарову, 12 мая 1721 г.
- 527 № 261. М.А. Матюшкин — А.В. Макарову, 29 июля 1721 г.
- 529 III. А.А. КУРБАТОВ: ПОСМЕРТНЫЙ ЭПИЛОГ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ
- 530 1722 год
- 530 № 262. Показания П.А. Курбатова в Ревизион-конторе,
6 июля 1722 г.
- 532 1723 год
- 532 № 263. М.А. Матюшкин, А.Ф. Бредихин и А.И. Шаховской —
А.В. Макарову, 21 января 1723 г.
- 533 1725 год
- 533 № 264. Челобитная П.А. Курбатова, январь 1725 г.
- 535 Аннотированный именной указатель

От редакторов

В данной книге публикуются письма и документы, проливающие свет на жизнь и государственную деятельность одного из самых ярких выскочек и прожектеров петровского времени — легендарного прибыльщика Алексея Александровича Курбатова. Начав свой жизненный путь в качестве управляющего обширными имениями боярина Б.П. Шереметева, Курбатов сумел завоевать, хоть и ненадолго, доверие молодого царя, стал дьяком Оружейной палаты, инспектором новосозданной Ратуши, ведавшей всеми городами государства, а затем и — что неслыханно для человека его социального происхождения — возглавил огромную Архангельскую губернию в звании вице-губернатора. В этом качестве Курбатов вступил в конфликт с братьями Соловьевыми, авторами, пожалуй, самой дерзкой и самой масштабной из известных нам коррупционно-контрабандных схем того времени, а значит, и со стоявшим за этой схемой всемогущим Александром Даниловичем Меншиковым. Конфликт этот, вполне предсказуемо, привел к краху карьеры прибыльщика; как ни поразительно, однако, Курбатову удавалось достаточно долго отбиваться, и запущенные следствием по его делу тектонические процессы в высших слоях элиты едва не привели к падению самого Меншикова. Спаситься фавориту удалось лишь благодаря политическому кризису, вызванному делом царевича Алексея. После этого, казалось бы, судьба Курбатова была предрешена — но и здесь его фирменное везение не подвело: своевременная смерть позволила Алексею Александровичу избежать мучительных пыток и позорной казни.

Замысел подготовки данного издания принадлежит выдающемуся исследователю Петровской эпохи и истории суда и следствия в России Дмитрию Олеговичу Серову (1963–2019), автору первой научной биографии Курбатова. Совместно с Дмитрием Олеговичем мы начинали подбирать документы для этого издания, включая ранее собранные им материалы следствия по делу прибыльщика; предполагалось также, что Дмитрий Олегович примет участие в подготовке совместной вводной статьи, которая

стала бы исчерпывающим очерком биографии Курбатова и его государственной деятельности. К сожалению, безвременная кончина исследователя не позволила реализовать этот план. В данной ситуации мы решили, что наилучшим выходом будет целиком воспроизвести в нашем издании ранее публиковавшуюся работу Дмитрия Олеговича, дополнив ее исследованием, посвященным тем аспектам жизни и деятельности Курбатова, которым он уделил меньше внимания. При подготовке тома мы старались придерживаться принципов, которые продумывались и проговаривались нами совместно с Дмитрием Олеговичем.

Публикуемые документы охватывают период с 1700 по 1725 г. Эпистолярное наследие Алексея Александровича чрезвычайно обширно, и среди корреспондентов Курбатова значатся самые влиятельные и высокопоставленные деятели петровского времени. В настоящее издание включены письма, наиболее ярко характеризующие его как государственного деятеля. Прежде всего это, разумеется, переписка Курбатова с Петром I. Большая часть этих писем ранее уже публиковалась, в том числе в соответствующих томах «Писем и бумаг императора Петра Великого», однако для полноты картины мы сочли целесообразным включить их в настоящее издание. В ходе подготовки издания была проведена сверка документов с подлинниками, устранены ошибки и неточности, кроме того, было выявлено около десятка новых писем Курбатова Петру I, не охваченных в предыдущих публикациях.

Еще один пласт представленной в сборнике корреспонденции — это переписка Курбатова с ключевыми деятелями той эпохи, выступавшими в качестве его патронов, в первую очередь с Ф.А. Головиным, начальником Алексея Александровича в период службы последнего дьяком Оружейной палаты, а также А.Д. Меншиковым и царским кабинет-секретарем А.В. Макаровым. Наряду с этим в состав тома вошли подготовленные Курбатовым «прожекты», заново выверенные по архивным подлинникам, а также материалы, имеющие отношение к расследованию преступной деятельности братьев Соловьевых и к следствию против самого Курбатова, включая сообщение М.А. Матюшкина о его смерти, сведения о посмертной конфискации имущества Алексея Александровича и прошение его сына о возврате этого имущества. Разумеется, настоящее издание не может претендовать на исчерпывающий характер. Сохранившаяся переписка А.А. Курбатова обширна, выявление многих важных документов еще впереди. В частности, в издание не вошли письма Курбатова Ф.М. Апраксину, отложившиеся в РГА ВМФ. Не преследовали мы и цели собрать воедино все известные на сегодня письма Курбатова: например, мы не стали включать

в это издание уже введенные в научный оборот послания Алексея Александровича И.С. Мазепе¹ и Ф.М. Апраксину².

В сборник включены все выявленные письма А.А. Курбатова Петру I и А.В. Макарову (РГАДА. Ф. 9 «Кабинет Петра I», ф. 142 «Царские подлинные письма, ф. 187 «Рукописное собрание» и ф. 248 «Сенат и его учреждения»), Ф.А. Головину (РГАДА. Ф. 160 «Письма и прошения разных лиц»), а также ряд писем А.А. Курбатова А.Д. Меншикову (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 «Походная канцелярия князя А.Д. Меншикова»). Помимо этого в издание вошли отдельные документы, хранящиеся в РГАДА (Ф. 26 «Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I», ф. 340 «Канцелярия конфискации, г. Петербург»), в Архиве СПбИИ РАН (Ф. 10 «Архангелогородская губернская канцелярия»), а также в РГИА (Ф. 1329 «Именные указы и “высочайшие” повеления Сенату»).

Отдельно нужно остановиться на включенных в наше издание документах из находящегося в РГАДА сборника «Письма и указы Петра, собранные Курбатовым» (Ф. 187. Оп. 1. Д. 262) и «Тетрадей записных» (Ф. 9 «Кабинет Петра I». Оп. 1). Сборник «Письма и указы Петра, собранные Курбатовым», или «Курбатовский сборник», представляет собой коллекцию копий документов, собранных, насколько мы можем судить, самим А.А. Курбатовым и хранившихся у его наследников (которые, видимо, и познакомили с ним И.И. Голикова, опубликовавшего их в своем труде «Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России»). Документы скопированы в одну общую книгу, расположены в хронологическом порядке и пронумерованы. Помимо писем Курбатову, здесь же находятся письма Ф.М. Апраксину, Б.П. Шереметеву и другим; если в первом случае происхождение писем не вызывает вопросов, то как именно могли оказаться в распоряжении Курбатова скопированные им письма государя другим сановникам, неясно. При этом копий писем Петру от самого Курбатова в сборнике нет (за одним исключением). Подлинники содержащихся в книге писем Петра Курбатову не сохранились (или местонахождение их неизвестно), однако существование этих писем подтверждается «Тетрадами записными», где имеются копии или сокращенное изложение приводимых в «Курбатовском сборнике» документов. Некоторые письма Петра Курбатову, упоминаемые в «Тетрадах записных», не обнаруживаются в «Курбатовском сборнике» или других

¹ Выписки о содержании писем А.А. Курбатову к И.С. Мазепе опубликованы в изд.: Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / отв. ред. Т.А. Базарова; сост. Т.Г. Таирова-Яковлева. СПб., 2014.

² См.: Материалы для истории русского флота. Ч. I. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1865. С. 448–451; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 14. Вып. 1 (январь — июнь 1714 г.). М.: Древлехранилище, 2022. С. 610.

коллекциях: примечательно, например, что здесь нет письма от 6 августа 1707 г. (№ 164 в нашей публикации), в котором Петр устраивает Курбатову разнос за самоуправство-«дерзость». В таких случаях мы публикуем тексты сокращенного изложения писем, содержащегося в «Тетрадах записных» (помимо прочего, эти изложения не имеют обращения и подписи³).

Большинство публикуемых писем, доступных нам в подлиннике, написаны писарским почерком, а рукой А.А. Курбатова добавлены только даты и подписи к ним; такие случаи специально не оговариваются. Если письмо представляет собой автограф, копию или черновой отпуск, это оговаривается в примечании. В случаях, когда письмо не датировано автором, датировка предлагается, исходя из содержания письма, или приводится в соответствии с числом, под которым письмо помещено в «Тетрадах записных», или (в случае уже публиковавшихся документов) в соответствии с публикацией в «Письмах и бумагах Петра Великого».

Переписка Курбатова за первую часть охваченного настоящим изданием периода отражает его деятельность в качестве дьяка Оружейной палаты. В частности, Курбатов в эти годы курирует один из крупнейших инфраструктурных проектов тех лет, в итоге так и оставшийся незавершенным, — строительство в Москве, рядом с Кремлем, огромного каменного «цейхгауза», который должен был выполнять функции и оборонительного сооружения, и арсенала. Он также «ведает» московскую Навигацкую школу на Сухаревой башне и организует производство (размещение заказов, обеспечение материалами и рабочей силой, оплата, контроль качества) самых разнообразных воинских припасов, от мортирок и багинетов до седел и сапог, а наряду с этим — их доставку в действующую армию. К середине 1710-х годов большое место в переписке Курбатова начинают занимать также следствие по делу о фальшивом серебре в Москве и регулирование внешней торговли (установление таможенных тарифов, привилегии и монопольные права иноземных купцов, сбор пошлин). В переписке за вторую половину рассматриваемого периода доминирует, разумеется, тема следствия над Курбатовым, включая его попытки оправдаться или облегчить свое положение.

Подробный анализ государственной деятельности А.А. Курбатова, во многом основанный на публикуемых в этом томе документах, содержится в предваряющих их статьях Д.О. Серова и А.В. Жуковской, поэтому здесь мы хотели бы подчеркнуть лишь самые общие моменты. Так, бросается в глаза проступающая в этих письмах колоссальная степень мобилизационного давления на русское общество. Государство, даже в лице такого не

³ Авторы выражают благодарность Е.Е. Рычаловскому за информацию о «Тетрадах записных».

самого высокопоставленного своего представителя, как Курбатов, полно-властно и неограниченно распоряжается по своему усмотрению жизнями и имуществом подданных. Вот государевой волей переселяются тридцать семей тульских кузнецов в Устюжну. «Благоволи <...> отписать, тольким ли быть на Устюжне тридцети семьям или еще приуготовлять, и з жеребьями то чинить или иным каким определением», — просит Курбатов Ф.А. Головина в июле 1702 г. «...Ныне ли их перевозить или по первому пути зимы, дав им исправитца и доделать приготовленныя к делу железа припасы?» — интересуется он месяцем позже. Впрочем, через год выясняется, что производство одной фузеи в Устюжне обходится чуть не в полтора раза дороже, а цены на хлеб для пропитания ремесленников там в три раза выше, чем в Туле. Курбатов поэтому предлагает перевести еще тридцать семей из Тулы и тем ограничиться.

К октябрю 1703 г. речь уже прямо идет о провале всей инициированной государем затеи с организацией производства фузей в Устюжне. По оценке Курбатова, если кузнецов перевести назад в Тулу, они смогут «сверх положенного 1500 ружья еще делать в год по три тысячи фузей и вяще». В Устюжне же они не смогут выполнить и установленную норму из-за отсутствия там производственной базы, что, впрочем, не могло не быть очевидным с самого начала: «до таковых искусных дел помогающих им не токмо мастеров, но и учеников никого нет», не говоря уже о низком качестве продукции: в Устюжне «железо г делу фузей по многим свидетельствам самое негодное и жестокое, и с прострелу многия стволы порывает».

В марте 1704 г. Курбатов пытается убедить Головина прекратить практику бесконтрольной отсылки квалифицированных тульских и московских мастеров туда, где в них возникает временная нужда: «чтоб мастеров оружейных на Воронеж и в иные города к черным делам не брать, потому что, государь, черныя работы могут и городовыя кузнецы работать». Вместо этого предлагается использовать уже отосланных мастеровых («На приклад, к Воронежу в близости город Елец, в том в одном кузнецов число многое, подобно и в других есть, также, государь, которыя посланы и с комисаром») для обучения новых на местах: «дать им учеников в Новгороде, и Пскове, и Олонце, и Ладоге ради умножения оружейных мастеров, чтоб в тех городех было их довольство, а с Москвы б от дел меньше убавлялось». Правительственные агенты не только полагают само собой разумеющимся свое право распоряжаться судьбами и трудом этих людей, но и прямо рассматривают их как ресурс, который необходимо использовать рационально, беречь и возвращать. Однако привычка по-хозяйски распоряжаться любыми ресурсами не ограничивается только сферой военной

промышленности. Уже в 1703 г. Курбатов считает себя вправе, например, рекомендовать государю передачу Вознесенскому девичьему монастырю московского подворья Кирилло-Белозерского монастыря на том лишь основании, что оно удобно расположено, а «Кирилов монастырь — богатой, могут приискать подворье и кроме Кремля» и к тому же использует свое подворье нерационально («власти того монастыря приезжают к Москве ни по вся годы, и стряпчей у них живет на ином подворье»).

Не менее ярко проступает в публикуемой переписке картина хаоса и неуправляемости, характерных для государственного аппарата России этого периода. Курбатов раз за разом описывает отказ тех или иных ведомств сотрудничать друг с другом, невозможность сподвигнуть воевод и прочих должностных лиц на какие-либо действия без получения «подтвердительно-го» указа с самого верха. В мае 1704 г. Курбатов доносит об отправке партии багинетов в Санкт-Петербург ямскими подводками, потому что добиться выделения подвод от ведавшего натуральными повинностями Земского приказа не удалось. Но и получение ямских подвод требует больших усилий и понукания, причем с неопределенным результатом: «...а чтоб остоновки не было, дана из Оружейныя полаты в города к воеводам, и приказным людям, и бурмистром со объявлением большого страха проезжая грамота, чтоб где ямских подвод давали без всякого задержания грацкия и уездныя. Да о том же из Розряда грамота, из Ратуши указ в города тем посланным даны ж, только чаю, государь, и по тем указом не без остоновки будет».

Одним из факторов, усугубляющих проблемы с управляемостью, оказываются верноподданнические рационализаторские действия самого Курбатова и подобных ему администраторов. Характерным примером в этом смысле является предложение Курбатова в ноябре 1705 г. мобилизовать в полки тех из «москвич и городских дворян», которые сейчас находятся «на посылках» в уездах. «Явное, государь, неусмотрение, что во многих городех едва не по десяти человек живут ради дел, которыя дела мочно все управить одному воеводе», — настаивает Курбатов, требуя рационализировать использование якобы напрасно простаивающего человеческого ресурса. Но в итоге именно катастрофическая нехватка кадров на местах и физическая неспособность воевод «управить одному» свои обширные и постоянно расширяющиеся обязанности станет вскоре подлинным бичом петровской системы управления.

Наконец, публикуемая переписка весьма ярко отражает лингвистическую ситуацию того времени и языковое поведение самого Курбатова. Письменный язык Александра Алексеевича часто замысловат и метафоричен, он изобилует сложными неудобочитаемыми конструкциями и составными

словами, образуемыми самим автором. Стилистические эксперименты Курбатова не всегда удачны. Например, пытаясь выразить свой восторг по поводу получения им послания от Ф.А. Головина, Курбатов пишет: «А как, государь, при присланном письме сего мая в 3 день от милости твоей приписаное твоею, милостивого отца, рукою увидя, я не лишился многия радости». Курбатов, по всей видимости, хотел сказать, что едва дара речи не лишился от радости, или что-то в таком роде, однако вышедшая из-под его пера конструкция оказалась бессмыслицей. Таких пассажей в его письмах довольно много, и хотя обычно, несмотря на причудливость речевых оборотов и грамматических конструкций, смысл их ясен, в некоторых случаях мы сочли необходимым сопроводить их пояснениями.

Наиболее ярким фирменным признаком курбатовского стиля является использование высокопарных оборотов, выглядящих как архаичные «славянизмы», включая и изобретение новых слов; особенно характерны для него составные слова, вроде «мудрохрабрство». В первую очередь такой стиль встречается в поздравительных письмах к Петру по случаю военных побед, например: «И посему значат сия четыре мори яко бы ко обладанию четырех частей мира, обаче же к сему множайший подвиг надлежит тебе» или «вседержавный бог по неизреченней своей благости и милосердию прегордохвалящагося Вашему маестату и всероссийскому государствию неприятеля со всевоинством, видя неудобь прочиими носимыя труды и мудрохрабрыя Ваша подвиги, воинств же Ваших чрез победоносное оружие в конец сотре, и не точию во Европии, но и во оризонте всего мира едва ли слыханно, погуби, и под нозе Вашего самодержавия преславно покори». Некоторые из посланий в результате становятся просто неудобочитаемыми. Подобный стиль также используется, хотя и с меньшей интенсивностью, в письмах, в которых Курбатов обращается к Петру с просьбой или пытается оправдаться. Что примечательно, изредка отзвуки этого стиля можно уловить также в письмах к Меншикову.

В повседневной деловой переписке, однако, подобный стиль не встречается вовсе, и на фоне четкого, прагматичного, вполне современного языка этих писем цветистость и искусственность курбатовских посланий к Петру особенно бросается в глаза. Этот язык, таким образом, не является для Курбатова естественным и единственно возможным: он выбирает тот или иной языковой регистр в зависимости от обстоятельств, и подобное поведение любопытно с точки зрения его тактики как придворного деятеля. Примечательно также, что архаично звучащие «славянизмы» оказываются на поверку неологизмами, а не отзвуком сохраняющихся традиционных речевых моделей. В этом смысле публикуемые документы служат также

фоном для попыток изобрести «высокий штиль» с помощью использования «не весьма обветшалых» славянизмов, которые будут играть столь важную роль в литературной жизни середины столетия.

Текст документов передается с сохранением стилистических и фонетических особенностей документа (т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук). Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Приписки, сделанные в документе его автором или иным лицом, вносятся в строку и оговариваются в примечаниях, причем авторские знаки сноски снимаются. Авторские скобки передаются круглыми скобками (). Квадратными скобками [] обозначается текст, вносимый публикатором: пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова. Непрочтенный из-за повреждения документа (обрыв, стертость от ветхости, разрыв, пятна, выцветание), а также неразобранный текст отмечается отточием в квадратных скобках [...]. Содержащиеся в тексте зачеркивания передаются соответствующим образом.

Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрываются, восстановленные слова не выделяются. Выносные буквы вносятся в строку без выделения. Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре не используются.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Явные описки (двукратное написание отдельных букв, слогов, слов, перестановка букв, пропуск букв) устраняются в тексте и обозначаются в сноске.

Подписи воспроизводятся после текста документа справа, на том языке, на котором они были сделаны. Указанные в письмах даты и место написания воспроизводятся после текста подписи слева.

Неоценимую помощь в работе над этим изданием оказали Т.А. Базарова и М.Е. Проскуракова. Особую признательность составители хотели бы выразить сотрудникам РГАДА и лично В.А. Аракчееву. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на научных редакторах.

Игорь Федюкин, Анастасия Видничук, Анна Жуковская

Список сокращений

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (Москва)
- ПиБ — Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т. СПб.; М.-Л.; М., 1887–2022.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 1–45. СПб.: Типография II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1830.
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
- РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота (Санкт-Петербург)
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- РИО — Российское историческое общество
- СПБНИИ РАН (Архив СПб ФИРИ) — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург)

Круги судьбы
прибыльщика
Алексея Курбатова

Дмитрий Серов

*Утренним временем 13 февраля 1718 г. обитатели Татарской слободы города Санкт-Петербурга растревожены были внезапным появлением воинской команды. Предводительствуемые самим бригадиром и от гвардии майором князем Юсуповым солдаты устремились к знатному дому на берегу Невы. Вскоре из ворот показались арестованные. Первым в санный возок с надлежащим уважением посадили домовладельца господина Курбатова. В прочих возках разместили немногочисленных слуг. Полозья прочертили снег в сторону Петропавловской цитадели¹.

Человек, которого февральским утром 1718 г. спешно провезли малолюдными улицами Петербургской стороны, был отнюдь не рядовой персоной. Не самый приметный житель Татарки, он еще несколько лет назад являлся одним из хозяев страны, распорядителем судеб многих тысяч людей. Что же до времен более удаленных, то мало кто в новой столице был осведомлен о том, что еще на исходе минувшего столетия господин Курбатов сам имел хозяина.

В череде нововведений, перекроивших жизнь русского общества в первые годы XVIII в., далеко не последнее место заняли опыты царя Петра Алексеевича по вовлечению в правительственную среду выходцев из непривилегированных сословий. Взлеты «худофамилиарных» случались, разумеется, и прежде — для 1670–1680-х годов достаточно вспомнить, скажем, Богдана Матвеевича Хитрово или Федора Леонтьевича Шакловитого. Но среди подобных эпизодов в прошлом не было случаев (за исключением, быть может, години Смутного времени), чтобы в состав высшего и среднего звена управления попадали лица крестьянского или холопского состояния². В первые же полтора десятилетия XVIII в. на ответственные

* Впервые статья была опубликована в изд.: *Серов Д.О.* Администрация Петра I. М.: ОГИ, 2007.

¹ События 13 февраля 1718 г. изложены на основании письма А.А. Курбатова А.В. Макарову от 20 февраля 1718 г., а также его показаний в следственной канцелярии Г.И. Кошелева от 19 февраля того же года: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 36. Л. 529–530 об.; Ф. 26. Оп. 2. Кн. 193. Ч. I. Л. 226–228 об. В литературе события 13 февраля кратко освещены в труде С.М. Соловьева: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1993. Кн. 8. С. 490. Сведения о петербургском дворе, а также о возрасте Алексея Александровича см. в «Скасах, поданных от разных персон и всякого звания людей о жительстве их в Санкт-Петербурге на Петербургской стороне» от июня 1718 г. // РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 8663–8947. Л. 250–250 об.

² Заметим, что для выходцев из непривилегированных сословий вплоть до начала XVIII в. отнюдь не был закрыт путь к карьере церковной. Наряду с достигшим патриаршего сана крестьянским сыном Никитой Миновым можно вспомнить, к примеру, о тюменском городском казаке Алексее Артемьевиче Любимове, ставшем впоследствии первым архиепископом Холмогорским. Между прочим, и весьма чтимый в царской семье в XVII в. прорицатель рождения Алексея Михайловича строитель Анзерского скита преподобный Елеазар по происхождению был из посадских людей г. Козельска

должности в центральную и местную администрацию были назначены по меньшей мере шестеро вчерашних холопов — С.И. Вараксин, В.С. Ершов, А.А. Курбатов, А.Я. Нестеров, Д.А. и О.А. Соловьевы. Первым из этих людей вступил во власть Алексей Александрович Курбатов.

Первые тридцать лет жизни родившегося 12 февраля 1663 г. Алексея Курбатова сокрыты мраком³. На некоторые размышления о раннем периоде его биографии наводят разве что устойчиво свойственные почерку Алексея Александровича элементы украинской графики. Факт этот

(*Шереметевский В.В.* Русский провинциальный некрополь. М.: Тип. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1914. Т. I. С. 282; подробнее об этом сюжете см.: *Гунн Г.П.* Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 232–234).

³ Наиболее серьезный вклад в изучение биографии А.А. Курбатова внес Н.П. Павлов-Сильванский, посвятивший Алексею Александровичу особый раздел своего труда «Проекты реформ в записках современников Петра Великого». Заслуживающее внимания краткое жизнеописание Алексея Курбатова, подготовленное А.И. Заозерским, помещено в «Новом энциклопедическом словаре». Обстоятельства позднего периода жизни А.А. Курбатова освещены также в работах «Строители Империи» и «Региональный администратор в борьбе с международной преступной группировкой» (*Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаум, 1897. С. 57–62; *Заозерский А.И.* Курбатов Алексей Александрович // Новый энциклопедический словарь. Пг., б.г. Т. 23. Стб. 688–689; *Серов Д.О.* Строители Империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1996. С. 104–112, 120–121; *Серов Д.О.* Региональный администратор в борьбе с международной преступной группировкой: А.А. Курбатов и дело братьев Соловьевых (1713–1721 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 10–17). Стоит добавить, что совершенно не подтверждается документами утверждение А.П. Богданова, что Алексей Курбатов был «представителем дьяческого рода» (*Богданов А.П.* Аннотированный указатель имен и фамилий // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 377). В составленной в 1831 г. родословной росписи («дьяческого» рода Курбатовых не фигурируют ни А.А. Курбатов, ни сын его Петр (РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 10746. Л. 21 об., 31). Выходцами из этого рода в действительности были иные представители номенклатуры петровских времен — Андрей Константинович и Петр Васильевич Курбатовы. Единственный сын видного приказного деятеля XVII в. Константина Селуяновича Курбатова, Андрей Константинович с начала Северной войны состоял адъютантом при Я.Ф. Долгорукове, побывал в шведском плену, а с 1715 г. отправлял должность вологодского ландрата (РГАДА. Ф. 248. Кн. 79. Л. 873–873 об.). Троюродный племянник А.К. Курбатова Петр Васильевич, вступив в службу в 1688 г., сделал весьма успешную карьеру в дипломатическом ведомстве. В мае 1708 г., вторым в России, он был пожалован чином секретаря, а в 1720 г. возглавил Приказную экспедицию Коллегии иностранных дел. Именно П.В. Курбатов в 1725 г. — после смерти бездетного Андрея Константиновича — унаследовал некогда принадлежавшие К.С. Курбатову обширные земельные владения в Можайском, Арзамасском и Галицком уездах (АВПРИ. Ф. 15. Оп. 15/4. 1738 г. № 76. Л. 4 об.).

свидетельствует, впрочем, единственно об особенностях начального обучения А.А. Курбатова, но вовсе не о месте его рождения. Освоить подобную графику с равным успехом он мог и в Москве — под руководством кого-то из малороссийских священнослужителей, во множестве обретавшихся в первопрестольной в последние десятилетия XVII в.

Иной смутный отголосок каких-то событий молодости Алексея Курбатова сохранило, похоже, одно из его посланий 1701 г., содержащее крайне резкий выпад против стрельцов. Упомянув в нем о «злодейственном... в поведении подобножидовском стрельцком роде», Алексей Александрович предложил запретить «ехидниному порождению» — бывшим стрельцам — не только проживание в Москве, но даже и самый въезд в столицу⁴. Такого рода формулировки создают впечатление о неких весьма основательных личных счетах автора письма со «стрельцким родом»⁵. Не исключено, что А.А. Курбатов или кто-то из его родни серьезно пострадал от «надворной пехоты» во время ее бесчинств в Москве летом 1682 г.

Как бы то ни было, первое беспорное известие о жизни Алексея Курбатова относится к 1694 г., когда он упоминается в качестве холопа боярина Б.П. Шереметева, который «за дела ходит», иными словами, исполняет обязанности домашнего юриста. Эти занятия предполагали, с одной стороны, немалую доверительность отношений с господином, а с другой — изрядную искушенность в юриспруденции, особенно в хитросплетениях тогдашнего гражданского права.

Отстаивание А.А. Курбатовым интересов боярина в судебных инстанциях было, судя по всему, вполне успешным, поскольку три года спустя Алексей Александрович оказывается уже дворецким Бориса Шереметева — управителем его вотчинного хозяйства. Именно в роли дворецкого А.А. Курбатов сопровождал Бориса Петровича в его знаменитом путешествии 1697–1698 гг. в Польшу, Италию и на остров Мальту. Показательно,

⁴ См.: письмо А.А. Курбатова Петру I от 22 июня 1701 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 632 (док-т № 6; здесь и далее — ссылки на документы в наст. изд.).

⁵ Антистрелецкую риторику письма А.А. Курбатова можно, конечно, связать с той глубокой неприязнью, которую питал к «стрельцкому роду» высочайший адресат послания от 22 июня. Подобная интерпретация, однако, не вполне соответствует реальной конъюнктуре 1701 г. Если незадолго до этого гнев Петра I на бывшую надворную пехоту достигал такого накала, что 11 сентября 1698 г. состоялся указ, предписывавший «впредь стрельцов стрельцами не писать», то уже в январе 1699 г. это распоряжение было отменено. Неудачи же начального периода Северной войны смягчили монарха настолько, что в 1702 г. было предпринято формирование новых стрелецких полков (*Милуков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1892. С. 141; *Рабинович М.Д.* Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 58. С. 284, 302 и др.).

что когда при движении через Польшу в сентябре 1697 г. возникла угроза идентификации ехавшего инкогнито Б.П. Шереметева, то боярин предъявил документы на имя своего сына Михаила, «а именем Михаила Борисовича приказал зватися человеку своему Алексею Курбатову»⁶.

Родившийся в апреле 1652 г. владеец А.А. Курбатова на исходе XVII в. являлся одной из наиболее влиятельных фигур российской правящей элиты. Выходец из аристократического рода, умелый администратор и военачальник, занимавший в 1687–1695 гг. ответственный пост воеводы Белгородского разряда, боярин Б.П. Шереметев отличался к тому же на редкость привлекательным нравственным обликом. Не раз проявлявший храбрость в сражениях, обладавший спокойным, уравновешенным характером и ярко выраженным чувством собственного достоинства, неприхотливо религиозный Борис Петрович был при этом неплохо образован (по преданию, в молодости он даже посещал занятия в Киевской академии)⁷. Долголетнее тесное соприкосновение с таким хозяином не могло не оказать благоприятного влияния на складывание умственных интересов и этических воззрений Алексея Курбатова.

Между тем в московском обществе 1690-х годов Борис Шереметев был известен не только своей просвещенностью и добротворством натуры, но и значительным богатством. Формирование его земельного капитала началось в 1669 г., когда в приданое за женой Борис Петрович получил весьма скромное поместье в 150 десятин. За последующую четверть века Б.П. Шереметев сумел многократно прирастить свое «имение». В 1696 г. за ним числилось более 1700 крестьянских дворов, размещенных в Московском, Коломенском и Нижегородском уездах, а также на Украине⁸.

Повседневное управление этой хозяйственной империей всецело находилось в руках дворецкого А.А. Курбатова. Учитывая, что население шереметевских вотчин составляло вряд ли менее десяти тысяч душ, следует признать, что имевший статус холопа Алексей Александрович располагал властью, которой обладал не всякий городской воевода. Но

⁶ Журнал путешествия на остров Мальту боярина Б.П. Шереметева в 1697–1699 годах // Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1871. Т. 10. Стб. 1589.

⁷ Наиболее подробные сведения о служебной деятельности и свойствах натуры Б.П. Шереметева см. в посмертно изданной монографии А.И. Заозерского «Фельдмаршал Б.П. Шереметев» (М.: Наука, 1989).

⁸ *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. С. 20, 34–35. Согласно подсчетам Я.Е. Водарского, число феодалов, в собственности которых находилось свыше 1250 дворов, составляло в 1700 г. восемь человек. Самым крупным землевладельцем России того времени являлся боярин князь М.Я. Черкасский, имевший 8931 двор (*Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. М.: Наука, 1977. С. 71).

дело было не только в объеме непосредственных полномочий дворецкого. Успешная карьера при «дворе» Бориса Шереметева не могла не обеспечить А.А. Курбатову весьма широких социальных возможностей, завидного благосостояния.

Последующие времена привели бы, вероятно, к дальнейшему неформальному возвышению Алексея Александровича. По мере того как на протяжении 1700-х годов укреплялись позиции Б.П. Шереметева в руководстве страны, с неизбежностью возрастало бы и могущество его доверенного «человека» Алексея Курбатова. Ситуацию бесповоротно переменял 1699 г.

1699 г. января в 19-й день в первом рассветном часу в городе Москве на крыльце Ямского приказа поднято было необычайное подкидное письмо. Затворенное двумя печатями красного сургуча, оно имело двух адресатов. В одном месте на пакете значилось: «Вручить сие письмо Федору Алексеевичу Головину [начальнику Ямского приказа]», в другом — «поднести благочестивому государю нашему царю Петру Алексеевичу, не распечатав».

По прошествии трех столетий затруднительно сказать, было ли в точности исполнено требование «отправителя» доставить письмо царю «не распечатав». С уверенностью можно констатировать иное: письмо за двумя печатями крайне заинтересовало государя Петра Алексеевича. Вопреки традиции, в письме читались вовсе не обличения сановных особ и не призывы восстановить порушенное древнее благочестие. Более того, подметное послание вообще не затрагивало ни духовных, ни политических дел. Речь в нем шла исключительно о материях финансовых.

Явившееся утром 19 января послание заключало в себе проект введения в России гербовой бумаги. Его автором был дворецкий Алексей Курбатов⁹.

Служитель Б.П. Шереметева отнюдь не выступил, разумеется, изобретателем гербовой пошлины как таковой. В Западной Европе она появилась еще в 1620-е годы, получив распространение первоначально в Голландии. Имевший возможность самолично ознакомиться с зарубежными порядками во время поездки 1697–1698 гг., А.А. Курбатов, таким образом, лишь предложил использовать давнюю придумку «немцев» на русской почве.

⁹ Желябужский И.А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I. С. 268. В литературе изложение эпизода с подметным проектом см., в частности: Соловьев С.М. История России... М., 1991. Кн. 7. С. 570–571; Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии: в 5 т. Т. 3. М.; Л., 1946. С. 235–236.

Подобное обстоятельство никоим образом, впрочем, не умаляет достоинства ума Алексея Александровича. Как было справедливо подмечено, «за границей в конце XVII в. побывали сотни русских людей, но до предложения о гербовом сборе додумался единственно дворецкий Курбатов»¹⁰. А ведь в 1690-е годы «европские государства» посетили такие интеллектуалы, как Петр Андреевич Толстой, Дмитрий Михайлович Голицын, Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев...

Именной указ об «орленой» бумаге состоялся 23 января 1699 г. Во многом восходя, по-видимому, к тексту проекта, указ предписывал:

для укрепления во всяких делах крепостей, и чтоб впредь во всяких крепостных делах между всяких чинов людей споров, а от ябедников и составщиков воровских никаких составов и продаж и волокит никому не было, держать на Москве во всех приказах и в городах, и в пригородках, и в волостях, где приказные избы есть, бумагу под гербом его, великого государя...

Изготовление и продажа бумаги передавались в Оружейную палату в ведение одного из адресатов подкидного письма боярина Федора Головина¹¹.

Не был забыт и «новоявльшийся» прожектер Алексей Курбатов. В том же январе 1699 г. автор необычайного письма получил чин дьяка и значительное имущество — каменный двор и деревни, конфискованные тремя месяцами ранее у видного приказного деятеля С.Я. Ступина. Первым местом государственной службы Алексея Александровича стала Оружейная палата.

Само по себе новое назначение А.А. Курбатова едва ли не ухудшило его общественное положение. Превратившись в одного из 143 тогдашних российских дьяков¹², Алексей Александрович занял в официальной московской иерархии положение куда менее заметное, нежели то, которое он занимал в иерархии неформальной, будучи приближенным Б.П. Шереметева.

Действительное возвышение Алексея Курбатова было связано не с номинальным обретением им свободы и не с переходом в правительственную среду. Принципиально важным явилось то обстоятельство, что вчерашний холоп вошел в окружение царя. Первое из сохранившихся писем

¹⁰ Соображение М.О. Акишина, высказанное в беседе со мной в мае 1996 г.

¹¹ Желябужский И.А. Записки. С. 269–270; Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 3. СПб., 1830. С. 597–598.

¹² Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. С. 24. Численность дьяков указана по состоянию на 1698 г.

А.А. Курбатова к Петру I — от 20 марта 1700 г.¹³ — со всей отчетливостью свидетельствует, что к этому времени дьяк уже являлся одним из ближайших советников 28-летнего монарха¹⁴.

Несомненное благорасположение Петра I к Алексею Александровичу вряд ли было predetermined фискальной значимостью проекта 1699 г. Новоустановленный гербовый сбор, конечно же, не мог радикально пополнить государеву казну. Наибольший доход от продажи орленой бумаги, образовавшийся в 1701 г., составил 19 853 рубля — 0,68% приходной части тогдашнего бюджета¹⁵.

Дело было, конечно, не в объемах поступлений от гербового сбора. Просто в лице очень вовремя заявившего о себе боярского человека Алексея Курбатова самодержец обрел талантливую и бескорыстную поборника «казенного интереса». Именно неустойчивое стремление всемерно приумножать государственные прибыли, соединенное с незаурядным аналитическим умом, глубоким знанием жизни и открытостью характера, решающим образом привлекло Петра I в Алексея Александровича.

Наступал XVIII в. Вдохновленный поездкой в «Немецкие земли», достигший наконец единодержавия, импульсивный и нервный царь грешил воинскими победами и грандиозными переменами. В Кремле требовались энтузиасты.

Оружейная палата, в руководящем звене которой оказался в 1699 г. Алексей Курбатов, была не самым приметным, но при том достаточно могущественным ведомством. Возглавлявшаяся с февраля 1697 г. влиятельным Ф.А. Головиным палата являлась одновременно арсеналом и крупнейшей в стране художественной мастерской. В ее компетенцию входили клеймение изделий из драгоценных металлов, табачная монополия, взимание крепостной и гербовой пошлин, управление российской торговлей, а заодно и Навигаторской школой¹⁶.

¹³ Вероятно, первое письмо А.А. Курбатова Петру I датируется первой половиной марта 1700 г. (см.: док-т № 2). — *Примеч. науч. ред.*

¹⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 103.

¹⁵ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России... С. 148, 238.

¹⁶ Систематическая характеристика компетенции Оружейной палаты конца XVII — начала XVIII в. в литературе к настоящему времени отсутствует. Некоторые сведения на этот счет см.: Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: в 4 т. Т. 1. М.: ЦГАДА, 1991. С. 78; Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 44, 60–62. Примечательные данные о круге ведения палаты встретились нам в письме А.А. Курбатова и Л.А. Домнина Ф.А. Головину от 13 августа 1703 г. В этом

Деятельность Алексея Александровича в стенах «Оружейной» отличалась изрядным многообразием. В первую очередь нельзя не отметить, что за относительно короткий срок А.А. Курбатову удалось выдвинуться на позиции второго лица в иерархии учреждения. Формальный «товарищ» Федора Головина опытнейший думный дьяк Л.А. Домнин (страдавший, по-видимому, избыточным пристрастием к спиртному) уже к 1703 г. оказался необратимо оттеснен имевшим более доверительные отношения с царем, более работоспособным и никак не менее честолюбивым автором проекта о гербовой бумаге¹⁷.

Но внутриведомственные интриги отнюдь не всецело поглощали А.А. Курбатова. Много внимания уделял дьяк и организованной в Москве в январе 1701 г. Навигаторской школе.

Пристально следивший за состоянием учебного процесса Алексей Александрович решительно взял под свое покровительство наиболее добросовестного наставника — благочестивого и компетентного Л.Ф. Магницкого, единственного русского из преподавателей. В немалой степени благодаря усилиям А.А. Курбатова в России появился и первый отечественный учебник математики. Именно бывший дворецкий убедил Леонтия Магницкого взяться за составление «Книги Арифметики», оказав в дальнейшем всемерное содействие в ее издании¹⁸.

Наряду с хлопотами по Навигаторской школе были у Алексея Курбатова и иные заботы. Подобно другим центральным учреждениям того времени, Оружейная палата, помимо административных, обладала немалыми судебными полномочиями. С одной стороны, суду и следствию палаты по значительной части криминальных деяний подлежали все лица,

письме Алексей Александрович и Любим Алферьевич упомянули между иного о том, что «...во Оружейной, государь, полате ведомы у милости твоей всего государства города по имянным великого государя указом четырьмя делами: клейменья бумаги, крепостныя, золотыя и серебряныя проб, негоцыанския...» (РГАДА. Ф. 160. 1703 г. № 8. Л. 68–68 об.; док-т № 65).

¹⁷ См., например: письмо А.А. Курбатова Ф.А. Головину от 16 июня 1702 г. // Там же. 1702 г. № 11. Л. 17–18 (док-т № 21).

¹⁸ См. в первую очередь письмо А.А. Курбатова Петру I от 22 июня 1701 г. // Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 633 (док-т № 6). О поддержке Алексеем Александровичем Л.Ф. Магницкого см.: *Соловьев С.М.* История России... Кн. 8. С. 74–75, 292–293; *Денисов А.П.* Леонтий Филиппович Магницкий. 1669–1739. М.: Просвещение, 1967. С. 39–42, 49–50; *Ryan W.F.* Navigation and the Modernization of Petrine Russia: Teachers, textbooks, terminology // *Russia in the age of the Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga*. L.: Macmillan, 1990. P. 82. Сочинение Леонтия Филипповича «Арифметика, сиречь наука числительная» вышло в свет в Москве в январе 1703 г. (Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 г. / сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 83–84).

состоявшие в ее ведомстве. С другой — по отдельным видам преступлений (нарушение «торговых прав», табачной монополии, махинации с выплавкой драгоценных металлов, подделка гербовой бумаги) «Оружейной» были подсудны все жители страны.

Искушенный в юриспруденции еще со времен хождения «за дела» Б.П. Шереметева, волевой и неподкупный Алексей Александрович самым решительным образом взялся за искоренение «воров». Наиболее серьезным успехом дьяка в этом направлении явилось разоблачение в 1704 г. преступной группировки, занимавшейся поставкой на монетный двор фальшивого серебра. Несмотря на старания высоких должностных лиц замять дело, А.А. Курбатов довел следствие до конца и добился наказания виновных.

Со всем тщанием исполняя дьяческие обязанности в Оружейной палате, Алексей Александрович не чуждался вникать и в проблемы, весьма удаленные от круга его ведения. Особенно показательным в этом плане обращение бывшего дворецкого к Петру I в связи с последовавшей 16 октября 1700 г. смертью патриарха Адриана.

В направленном царю 25 октября послании А.А. Курбатов предложил комплекс нововведений по оздоровлению внутренней жизни церкви. Демонстрируя широкую осведомленность о состоянии «духовного правления», он, в частности, писал:

...О избрании же, государь, патриарха, мню, достоит до времени обождать, да во всем всего сам твое самодержавие изволишь усмотрети... Также, государь... чтоб в архиерейских и монастырских имениях усмотреть и, волости переписав, отдать все во хранение, избрав кого, во всяком радении тебе, государю, усердного, учинив на то росправный приказ особый. Истинно, государь, премногая от того усмотрения збиратися будет казна, которая ныне погибает в прихатех владетелей...¹⁹

Иными словами, речь шла о том, чтобы отсрочить выборы нового патриарха, а также создать особое светское учреждение, призванное заведовать церковным имуществом.

¹⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 102–102 об. Введенное в научный оборот еще С.М. Соловьевым письмо А.А. Курбатова от 25 октября 1700 г. не раз привлекало внимание исследователей. обстоятельный разбор письма содержится в трудах С.М. Соловьева, А.В. Карташева, а также у И.А. Булыгина (*Соловьев С.М. История России...* Кн. 8. С. 86–87; *Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви.* Париж: YMCA-press, 1959. Т. 2. С. 328–329; *Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в.:* дис. ... докт. ист. наук. М., 1977. С. 69–72, 80). Публикации текста письма от 25 октября см.: *Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент.* К вопросу об отношении церкви и государства в России: Исследование в области русского церковного права: в 2 т. Ростов н/Д, 1916. Т. 2. С. 111–112; *Серов Д.О. Строители Империи.* С. 185–186.

Сформулированные в октябрьском письме соображения Алексея Александровича, судя по всему, перевели в практическую плоскость уже сложившиеся к тому времени намерения Петра I.

16 декабря 1700 г. рязанский митрополит Стефан Яворский был определен местоблюстителем патриаршего престола. Выборы преемника Адриана откладывались тем самым на неопределенный срок.

Чуть более месяца спустя, 24 января 1701 г., был основан Монастырский приказ. Под его административно-судебное и финансовое управление поступило все гигантское хозяйство русской церкви. Сходственность царских распоряжений с «пропозициями» Алексея Курбатова нашла отражение даже в кадровом вопросе. Главой нового приказа стал боярин И.А. Мусин-Пушкин, один из двух лиц, чьи кандидатуры фигурировали в октябрьском послании Алексея Александровича.

Конечно, как и в случае с гербовой бумагой, А.А. Курбатов вовсе не был автором выдвинутых им идей. Открытие в 1701 г. Монастырского приказа представляло собой, строго говоря, его воссоздание: учреждение с тем же названием и аналогичной (хотя и несколько более узкой) компетенцией существовало с 1649 по 1677 г. Да и вызванное маневрами верховной власти длительное междупатриаршество также имело прецеденты в XVII в. (в 1612–1619 и 1658–1667 гг.). Исторически просвещенный дьяк «Оружейной», по-видимому, знал об этих перипетиях недавнего прошлого. Как бы то ни было, факт остается фактом: в основу первоначальных мероприятий церковной реформы Петра I легли предложения Алексея Курбатова.

Возвышение А.А. Курбатова, исходной точкой которого явился проект 1699 г., имело существенный резонанс в московском обществе. Пример боярского служителя, за считанные месяцы ставшего одним из первых царских советников, соблазнял и завораживал. Нет поэтому ничего удивительного, что в условиях сохранявшегося высочайшего спроса на энтузиастов у Алексея Александровича обнаружили немало численные последователи. В российский лексикон прочно вошло слово «прибыльщик».

Ныне вряд ли можно установить точное количество «всяких чинов людей», взявшихся в первые годы XVIII в. изобретать способы пополнения государственной казны. С уверенностью можно, однако, предположить, что проблемой увеличения бюджетных доходов озаботились тогда десятки частных лиц — все больше из непривилегированных сословий. Далеко не всем из них довелось обратить на себя монаршее внимание: кто-то

не нашел оказии подобающим образом представить свои «пропозиции», чьи-то выкладки показались слишком химерическими.

И все-таки некоторым прожекторам — что характерно, исключительно из холопов — удалось воспользоваться благоприятной конъюнктурой. В составленных независимо друг от друга записках современников читается почти идентичная подборка имен удачливых продолжателей дела Алексея Курбатова. Вот что писали о доморощенных финансистах той поры ушедший на покой еще в 1689 г. окольный Иван Афанасьевич Желябужский и видный сподвижник Петра I князь Борис Иванович Куракин (он был моложе Желябужского почти на сорок лет)²⁰:

Записки И.А. Желябужского

...В том же [1704] году явились прибыльщики, люди боярские: боярина Бориса Алексеевича Голицына человек ево Степан Вараксин, боярина князь Михайло Яковлевича Черкасского — Василей Ершов, думного дворянина Федора Григорьевича Круцева человек ево Алексей Яковлев Нестеров и иные многие. И по указу государеву велено им сидеть и чинить прибыль...

Дневник Б.И. Куракина

...Канцелярия Низовая, суд весь Казанского дворца взят... и все оброчныя статьи взяты из прибыли, которая то выдали — человек князь Бориса Алексеевича Голицына Степан Вараксин да Хрущова — Алексей Нестеров. А в Казани в управлении тех дел иные их братии и по иным низовым местам. Того ж [1705] года Дворец взят весь в особую канцелярию, а взял на себя Василей Ершов, человек князя Михаила Яковлевича Черкасского да в товарищех Яков Акиншин, человек князя Петра Голицына. А взяли все дворцовый волости из прибыли в полтора, что плачивали прежде сего...

Пришедшийся на середину 1700-х годов «второй призыв» холопов во власть был в значительной мере связан с Семеновской приказной палатой. Созданная в 1703 г., она ведала различными оброками, некоторыми прямыми сборами (введенными по большей части впервые), а также управляла новозавоеванными территориями Северо-Запада²¹. Возглавляя

²⁰ Желябужский И.А. Записки. С. 308; Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф.А. Куракина / под ред. М.И. Семевского. Кн. 1. СПб., 1890. С. 270.

²¹ Из упоминаний в литературе о Семеновской приказной палате отметим: [Миллер Г.Ф.] Московские старинные приказы // Древняя российская вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. 20. М., 1791. С. 394; Милоков П.Н. Государственное хозяйство России... С. 206–213; Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII в.: в 4 т. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 50–51; Анисимов Е.В. Государственные преобразования... С. 50, 90–91.

палату стремительно выдвигавшийся тогда на первые роли в окружении царя Александр Меншиков.

Именно в Семеновской палате началась правительственная карьера и будущего казанского комиссара Степана Ивановича Вараксина, и будущего московского вице-губернатора Василия Семеновича Ершова, и будущего обер-фискала Алексея Яковлевича Нестерова. Подобная концентрация бывших холопов в стенах одного учреждения сложилась, не исключено, вследствие каких-то расчетов Петра I. Более вероятной представляется, однако, иная версия: худофамильных прибыльщиков целенаправленно собрал под свое начало А.Д. Меншиков.

Только-только ставший римским графом и имперским князем, сын дворцового конюха Александр Данилович был остро заинтересован в формировании собственной команды. Предприимчивые и честолюбивые, крайне нуждавшиеся в высоком покровительстве вчерашние «боярские люди» как нельзя более подходили в помощники будущему светлейшему князю. Но безвестные прожектеры были не единственными кандидатами в «партию» «сердечного друга» царя.

Знакомство А.Д. Меншикова с Алексеем Курбатовым произошло, по-видимому, в 1699 или 1700 г., сразу как Алексей Александрович вошел в круг доверенных соратников государя. Первое время гвардии сержанта Александра Меншикова и дьяка А.А. Курбатова связывали, судя по всему, не особенно тесные отношения. Ситуация изменилась с начавшимся в 1702 г. формальным взлетом Александра Даниловича.

Не вполне ясно, в какой момент и по какой причине А.А. Курбатов принял решение сменить «патрона». Образовались ли у него какие-то серьезные разногласия с Ф.А. Головиным, счел ли он свою работу в «Оружейной» слишком несамостоятельной, или что еще допекло эмоционального дьяка... По крайней мере, с точки зрения служебных перспектив ставка на А.Д. Меншикова мало что меняла в положении прибыльщика: уж кто-кто, а Федор Головин занимал в окружении Петра I воистину неколебимые позиции. Что бы там ни было, но 17 ноября 1704 г. Алексей Курбатов известил боярина о том, что «волею всемилостивейшаго нашего государя, чрез доношение губернатора Александра Даниловича, велено мне при делех быть под управлением его губернаторским...»²².

²² РГАДА. Ф. 160. 1704 г. № 10. Л. 107. О том, насколько прочно А.А. Курбатов связывал себя в этот период с А.Д. Меншиковым, свидетельствует, в частности, письмо Алексея Александровича будущему «полудержавному властелину» от 20 июля 1706 г. В нем прибыльщик заверял Александра Даниловича в том, что «во единую точию опеку вдахся Вашего сиятельства, и иного, истинно никого же не имею» и что «я (в чем

По всей видимости, Алексею Александровичу было уготовано заведение одной из отвечающих за конкретные сборы канцелярий Семеновской палаты. Номинально являвшиеся ее структурными подразделениями, эти небольшие организации, по существу, были автономными ведомствами достаточно высокого статуса. Но переход А.А. Курбатова к Александру Меншикову не состоялся.

Автора проекта о гербовой бумаге ожидало куда более высокое назначение. 9 февраля 1705 г. — не без протекции все того же Александра Даниловича, — первым в России получив диковинный чин инспектора, Алексей Курбатов был определен главой Ратуши²³.

Основанная в январе 1699 г. Ратуша занимала особое место среди центральных учреждений России. С точки зрения компетенции она представляла собой нечто среднее между «министерством городов» и «министерством финансов». Ратуша ведала в административном и судебном отношении городским торгово-промышленным населением и отвечала за сбор основных косвенных и значительной части прямых налогов²⁴. Если учесть, что 23 февраля 1705 г. под управление А.А. Курбатова перешла также Каменных дел канцелярия²⁵, то надо признать, что вчерашний дьяк «Оружейной» получил весьма значительную власть.

Впрочем, и проблемы, которыми отныне предстояло заниматься инспектору Алексею Курбатову, впечатляли своей трудноразрешимостью. В условиях тяжелейшей войны со Швецией, когда военные расходы

сам Бог есть свидетель) во всем есмь твоя благая воли исполнитель» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 1233. Л. 1 об.).

²³ Полное собрание законов... СПб., 1830. Т. 4. С. 288. Наиболее отчетливое упоминание о роли А.Д. Меншикова в деле назначения А.А. Курбатова в Ратушу читается в письме Алексея Александровича светлейшему князю от 5 августа 1708 г. В этом послании обер-инспектор почтительно напомнил сановному корреспонденту о том, что «через Ваше, премилостивейшаго нашего патрона, к всемилостивейшему государю доношение к той работе я, убогий, определен» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2276. Л. 1).

²⁴ Литература, посвященная Ратуше, достаточно обширна, но при том вовсе не дает целостной картины функционирования этого учреждения. Наиболее обстоятельные разыскания проведены по истории создания Ратуши, ряд ценных данных выявлен по ее финансовой деятельности. См. в первую очередь: *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России... С. 123–126, 195–196 и др.; *Богословский М.М.* Петр I. Т. 3. С. 238–354; *Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г.* Система государственного управления. С. 47–49; *Тарловская В.М.* Из истории городской реформы в России конца XVII — начала XVIII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 98–118.

²⁵ *Сперанский А.Н.* Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М.: РАНИОН, 1930. С. 204.

достигали и 81,6% (в 1701 г.), и 95,9% (в 1705 г.)²⁶, вопрос об исправности бюджетных поступлений стоял как никогда остро. Но А.А. Курбатову надлежало не просто обеспечить стабильный уровень казенных сборов. Пунктом первым «Наказных статей инспекторам ратушского правления», подписанных царем 9 февраля, значилось: «Разсмотреть Ратушу московскую со всеми ее околичностями и, что возможно, еще прибавить прибыли без тягости народа...»²⁷.

Оговорка насчет «тягости» носила хотя и не случайный, но все больше риторический характер. Государь Петр Алексеевич, в принципе осознавая, что подрыв платежеспособных возможностей населения чрезмерными налогами грозит финансовой и социальной катастрофой, был тем не менее готов идти на любые жертвы ради продолжения войны²⁸.

Что же касается А.А. Курбатова, то для него слова о «прибыли без тягости» заключали буквальный смысл. Вовсе не являясь выразителем интересов тяжелых сословий, а просто будучи дальновидным политиком и человеком неокаменной души, Алексей Александрович не мог, подобно царю, с безразличием относиться к участи крестьян и посадских. Таким образом, от инспектора Ратуши требовалось, с одной стороны, «прибавить прибыли» для обеспечения новых военных кампаний, а с другой — не допустить разорения широких слоев «всероссийского народа».

Насколько можно судить, для исполнения этой двуединой задачи произведенный в 1706 г. в обер-инспекторы Алексей Курбатов в качестве магистральных путей избрал борьбу за увеличение поступлений от «питетной продажи» и ширококомасштабное преследование расхитителей казны. Кабацкие доходы, наряду с таможенными, были одной из ключевых

²⁶ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России... С. 234.

²⁷ Полное собрание законов... Т. 4. С. 287.

²⁸ Безоглядную решимость Петра I любыми путями добыть средства на военные нужды ярко высвечивает эпизод с изъятием в 1702 г. серебряной церковной утвари и вкладных денег из кремлевского Успенского собора. Попытавшийся воспротивиться этой беспрецедентной мере, утаив ценности, соборный ключарь Пров в том же 1702 г., по «словесному указу» царя, был насильно пострижен в монахи и отправлен в пожизненную ссылку в Соловецкий монастырь. Уже в 1716 г., получив сведения, что бывший ключарь, покинув якобы монастырь, служит в Вологодском архиерейском доме, мятливый монарх не преминул направить архангельскому вице-губернатору особый указ, предписывавший арестовать Прова (в монастыре Прокла) и провести дознание, «каким случаем он свободился». Позволение выехать с Соловков Пров-Прокл получил лишь в феврале 1727 г., на исходе правления Екатерины I (см. указ Петра I П.Е. Лодыженскому от 16 февраля 1716 г., а также челобитную Прокла от 8 июня 1721 г. и Выписку по ней // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 58. Л. 151–152; [Шидловский А.Ф.] Подлинные указы Петра Великого // Петр Великий на Севере: сб. статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. Архангельск: Губ. тип., 1909. С. 151–152).

статей российского бюджета XVII — начала XVIII в. Так, в 1680 г. прибыль от кабаков и таможен составила 44,4%, в 1701 г. — 40,4% бюджетных сумм²⁹.

Стремясь приумножить кабацкие сборы, А.А. Курбатов сосредоточил усилия на повышении рентабельности «кружечных дворов» посредством улучшения в них обслуживания и расширения ассортимента «питей». Параллельно обер-инспектор принялся весьма решительно искоренять корчемство — незаконное изготовление и реализацию спиртного.

Этим нелегальным промыслом, перебивая клиента у государева кабака, занимались тогда самые разные люди. К примеру, в январе 1706 г. в «безуказной» виноторговле был уличен видный служащий Разрядного приказа И.П. Топильский. При обыске у него обнаружили более 400 ведер приготовленного к продаже вина³⁰. Но пресечение корчемства являлось далеко не единственной линией правоохранительной деятельности Алексея Курбатова. К моменту его прихода в Ратушу «министерство городов и финансов» было глубоко разъедено коррупцией и казнокрадством. «Ей-ей, государь, свидетельствующую богу — везде кража», — вникнув в дела, горестно констатировал бывший дворецкий в письме Петру I осенью 1705 г.³¹

Однако страстно радевший за «правду» в целом и за финансовое благополучие страны в частности, Алексей Александрович был менее всего расположен мириться с таким порядком вещей. Имевший, согласно седьмому пункту «Наказных статей», право следствия по фактам «воровства в сборе казны», А.А. Курбатов объявил настоящую войну «губителям казенного интереса».

Самым крупным следственным мероприятием, осуществленным вчерашним дьяком «Оружейной», явилось, по-видимому, разоблачение махинаций псковских и ярославских бурмистров. О масштабах хищений налоговых средств выборными должностными лицами этих городов свидетельствует эпизод с попыткой подкупа Алексея Александровича. Стремясь добиться передачи дела в другую инстанцию, «ярославцы и псковича» предложили обер-инспектору 20 000 рублей³² (все жалованье А.А. Курбатова составляло в ту пору 1000 рублей в год).

²⁹ Милуков П.Н. Государственное хозяйство России... С. 159.

³⁰ См.: письмо А.А. Курбатова Петру I от 16 января 1706 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 5. Л. 266. Публикацию этого письма см.: Серов Д.О. Строители Империи. С. 187–188; подробный пересказ — Соловьев С.М. История России... Кн. 8. С. 314. (Ошибка в дате: речь идет о письме от 11 января. — Примеч. науч. ред.)

³¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 4. Л. 177а об.

³² См. вышеупомянутое письмо А.А. Курбатова Петру I от 16 января 1706 г. Некоторые подробности «ярославско-псковского» дела приведены также П.Н. Милуковым, см.: Милуков П.Н. Государственное хозяйство России... С. 356. Заметим, что подкупить обер-инспектора пытались, без сомнения, не одни только «ярославцы и псковича».

Финансовая политика Алексея Курбатова имела вполне благоприятные результаты. Уже за первые десять месяцев его управления Ратушей «приложение» доходов было исчислено в 87 065 рублей³³. В 1707 г., на третьем году обер-инспекторства Алексея Александровича, приход «министерства городов» достиг 1 019 198 рублей (при 770 980 рублях в 1704 г.). Таможенные и кабацкие сборы с 628 542 рублей в 1704 г. возросли до 820 384 рублей в 1708 г.³⁴

В 1721 г. А.А. Курбатов писал, что в бытность обер-инспектором «учинил он... приборов пред прежним бургамистрским правлением близ полутора милиона, в том числе питейного одного прибора в Москве одной, кроме городов, шестьсот тысяч рублей с лишком...»³⁵.

Увеличение доходов Ратуши мало отразилось, однако, на состоянии российской казны в целом. С 2,49 млн рублей в 1704 г. общий приход бюджета сократился до 2,41 млн в 1707-м, выправившись затем лишь до 2,76 млн рублей в 1709 г.³⁶ Но иные статьи бюджетных поступлений были уже за пределами компетенции обер-инспектора Курбатова.

Приумножив ратушские сборы, так и не прибегнувший к чрезвычайным налоговым мерам Алексей Курбатов внес, без сомнения, решающий

Позднее Алексей Александрович писал, что «ежели бы не так я жил, мог бы прожить и без жалованья, еще б осталось и внучатам моим... мощно было в Ратуше в шесть лет косых мешков нажить сотню...» (см. его письмо А.В. Макарову от 8 августа 1714 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 20. Л. 888–888 об.; *Серов Д.О.* Строители Империи. С. 191).

³³ См. представленную А.А. Курбатовым Петру I в 1705 г. роспись прибавочных доходов Ратуши «О новом чрез десять сего 1705 года месяцев»: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 4. Л. 179 об. Согласно росписи, 34 000 рублей составили поступления от «питей» и «новых водок», на 4798 рублей было взыскано штрафов за корчемство, на 3300 — возвращено расхищенной казны. От реализации конфискованных у корчемников спиртных напитков и табака было получено 6967 рублей. Остальную сумму обеспечили «новоусмотрительные» таможенные сборы.

³⁴ *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России... С. 195, 197.

³⁵ См.: Объявление царскому величеству о делах, касающихся Алексея Курбатова // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 94. Л. 438; *Серов Д.О.* Строители Империи. С. 196. Иные примечательные сведения о финансовых итогах ратушского правления А.А. Курбатова читаются в поданной в марте 1722 г. челобитной архангельского ландрихтера И.А. Хрипунова. По исчислению многолетнего помощника Алексея Курбатова, прибавление «в одних московских зборех» составило «болши пятисот тысяч рублей». К тому же, как справедливо подчеркнул Иван Авксентьевич, образовавшиеся благодаря деятельности обер-инспектора «прибыльные оклады», будучи закреплены впоследствии табелями Камер-коллегии, «поныне текут безизьятно по тому же началу» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 58. Л. 609–610). С работой А.А. Курбатова в «министерстве городов» связан, возможно, еще один любопытный штрих. В 1706 г. в дворечке к Б.П. Шереметеву был принят некто Аким Булатов, служивший до того подьячим в Ратуше (*Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. С. 242). Не обер-инспектор ли порекомендовал Аким Федорович бывший хозяину?

³⁶ *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России... С. 235.

вклад в стабилизацию государственных доходов России второй половины 1700-х годов. Если учесть, что именно на эти годы пришелся самый тяжкий для нашей страны период великой Северной войны, то А.А. Курбатов с полным основанием можно считать финансовым архитектором Полтавской победы.

Между тем успешная правительственная деятельность Алексея Александровича так и не нашла должной оценки со стороны царя. Более того, без устали мотавшийся по фронтовым дорогам, с головой поглощенный военными проблемами государь Петр Алексеевич в конце концов пришел к выводу о ненужности Ратуши.

Постепенное «растаскивание» Ратуши началось еще в 1706 г. Осенью этого года А.А. Курбатов получил распоряжение не ведать более сибирские города, а дворцовые города и слободы передать в Дворцовую канцелярию. В 1707 г. у Ратуши было отнято право сборов налогов в Казани, Азове и Астрахани. Но окончательный удар по «министерству городов и финансов» нанесла предпринятая Петром I на исходе 1700-х годов губернская реформа.

Наряду с административными, судебными, а отчасти и военными функциями губернаторы получили также полномочия и фискальные. Несмотря на все старания Алексея Александровича доказать пагубность децентрализации финансового хозяйства страны, царь был непреклонен³⁷. В 1710 г. Ратуша как центральное ведомство прекратила существование. Несколько ранее была упразднена и Каменных дел канцелярия³⁸. На 47-м году жизни Алексей Курбатов остался без должности.

Пребывание обер-инспектора в отставке, впрочем, не затянулось. Утративший отчасти прежнее влияние в коридорах власти Алексей Александрович тем не менее еще оставался в «поле доверия» царя.

На этот раз, правда, места в центральной администрации для прибыльщика не нашлось. 22 февраля 1711 г. А.А. Курбатову была вверена Архангелогородская губерния³⁹. Пожалованный 6 марта чином

³⁷ Обзор переписки А.А. Курбатова с Петром I по поводу децентрализации финансового управления, а также сведения о сокращении компетенции Ратуши см. в труде П.Н. Милюкова: Государственное хозяйство России... С. 356–361. Наиболее отчетливые возражения против реорганизации финансового хозяйства страны читаются в письмах Алексея Александровича от 28 января, 18 февраля и от 19 августа 1709 г. Доводы царя в пользу реорганизации приведены в его письме обер-инспектору от 25 февраля 1709 г. (Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; JL, 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 105; Там же. М., 1952. Т. 9. Вып. 2. С. 579, 726, 1175).

³⁸ *Сперанский А.Н.* Очерки по истории приказа Каменных дел... С. 205.

³⁹ Архив Правительствующего сената / сост. П.И. Баранов. Т. 1. 1704–1725. СПб., 1872. С. 10.

вице-губернатора⁴⁰, выхлопотавший у Сената «под скарб» 50 подвод⁴¹ бывший обер-инспектор отбыл к месту назначения.

При всем том, что сам Алексей Александрович воспринял удаление из Москвы с крайним сокрушением⁴², его новую должность вряд ли можно было считать особенным понижением. Под фактически безраздельную власть Алексея Курбатова попала территория, раскинувшаяся от Кольского полуострова до Урала и от Соловецкого архипелага до северо-восточного Замосковья. В подчинении бывшего дворецкого отныне находились такие истари богатые торговлей и промыслами города, как Великий Устюг и Холмогоры, Галич и Вага, Вологда и Тотьма. Но самую значительную роль во внутренней жизни края играл, конечно же, Архангельск.

Основанный в 1583 г., располагавший хорошо оборудованным портом и верфью «Город Архангельский» являлся для России того времени подлинным «окном в Европу», главным центром внешней торговли. В «Городе» функционировали портовая и внутренняя таможни, велись недельные торжки, с июня по сентябрь действовала ярмарка. Внешнеторговый оборот «Города» достиг в 1710 г. 2,701 млн рублей⁴³.

⁴⁰ СИРИО. Т. 11: Указы, письма, бумаги и резолюции Императора Петра I (1704–1725 гг.). СПб., 1873. С. 185. Показательно, что, получив «ранг» вице-губернатора, А.А. Курбатов был направлен в Архангельск единоличным главой администрации, на чистую губернаторскую должность. Между тем ведавшие Киевской, Смоленской, Казанской и Сибирской губерниями Д.М. Голицын, П.С. Салтыков, П.М. Апракин и М.П. Гагарин тем же указом от 6 марта были произведены в «полные» губернаторы. Подобный разницей в чиноположении лиц, занимавших абсолютно равные по объему полномочий должности, можно объяснить, с одной стороны, изменением отношения Петра I к Алексею Александровичу, а с другой — сословным моментом. Как представляется, изрядно охладевший к первому прибыльщику царь не посчитал нужным лишний раз раздражать «шляхетство» одновременным пожалованием губернаторства бывшему холопу Алексею Курбатову и представителям аристократических фамилий Дмитрию Голицыну, Петру Салтыкову и Матвею Гагарину (что касается Петра Апраксина, то он приходился родным братом вдовствующей царице Марфе Матвеевне).

⁴¹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.В. Калачова. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1880. С. 10. Подводы были выделены А.А. Курбатову сенатским распоряжением от 16 марта.

⁴² *Соловьев С.М.* История России... Кн. 8. С. 316. Впоследствии в частном послании кабинет-секретарю А.В. Макарову А.А. Курбатов напоминал о том, что «...вам известно, с каковою радостию я поехал в губернию, и просил слезно милости, дабы мне не ехать» (письмо от 26 октября 1713 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 17. Л. 779 (док-т № 217)).

⁴³ Подробности об экономическом положении Архангельска в 1700–1710-е годы в первую очередь см.: Центры торговли Европейской России в первой четверти XVIII в. / под ред. Я.Е. Водарского. М.: Ин-т истории, 1986. С. 55–57; *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996. С. 103–133. Примечательно, что в письме от 19 сентября 1710 г. не ведавший о скором назначении в Архангельск А.А. Курбатов, поздравляя Петра I со взятием Риги, между иным высказал радость по

Имевший стратегическое значение, подвергавшийся в июне 1701 г. атаке шведской эскадры Архангельск был основательно защищен. В нем дислоцировался немалочисленный гарнизон, на батареях прикрывшей порт со стороны моря Новодвинской крепости размещалось 179 пушек и 4 мортиры⁴⁴.

Начало губернаторства первого российского прибыльщика сложилось благополучно. Со всей энергией вступив в управление северными землями, А.А. Курбатов привычно взялся за улучшение работы кабаков и таможен, организовал в Архангельске навигационную школу, завел в Вологде и Устюге конные заводы. Особое внимание вице-губернатор уделил исполнению высочайшего задания о постройке в «Городе» двух линейных кораблей⁴⁵.

Усилия Алексея Александровича не остались незамеченными. Уже в августе 1711 г. он получил от Сената похвальную грамоту за скорую высылку рекрутов и «рекрутных» лошадей⁴⁶. Далее, однако, отношения Алексея Курбатова с московским начальством стали исподволь, но неотвратимо осложняться.

Камнем преткновения оказались возложенные на губернию налоги и повинности. Дисциплинированный и волевой администратор, исправно обеспечивавший сборы окладных платежей, Алексей Александрович вместе с тем не особенно подходил на роль бездумного проводника все более ужесточавшейся фискальной политики правительства.

поводу того, что «...уже вносимыми во Всероссийское государство европейскими богатствами не одна хвалиться будет Архангелогородская гавань» (Письма и бумаги... М., 1956. Т. 10. С. 648). Сильно, наверное, переменялись настроения Алексея Александровича относительно хвальной «гавани» полгода спустя...

⁴⁴ См.: Переписная книга артиллерии Новодвинской крепости 1708 г. // Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / отв. ред. Ю.Н. Беспятых. Архангельск, 1993. С. 211–260. Из иных городов, подчиненных А.А. Курбатову, особенно значительные крепостные сооружения имела Вологда. Согласно описи 1701 г., ее окружала каменная стена протяженностью 1550 сажень с 14 башнями (Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. С. 244).

⁴⁵ Краткий и несистематический обзор губернаторской деятельности А.А. Курбатова принадлежит П.Н. Милюкову. Более подробно архангельские занятия Алексея Александровича освещены в опубликованном П.Н. Павловым-Сильванским «Объявлении царскому величеству Алексея Курбатова, что учинено в Архангелогородской губернии в три года его усердием», а также в упоминавшемся выше «Объявлении царскому величеству о делах, касающихся Алексея Курбатова» (Милюков П.Н. Государственное хозяйство России... С. 463–467; Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ... [Тексты] С. 75–77; Серов Д.О. Строители Империи. С. 197–201). Об организации А.А. Курбатовым в Архангельске в 1711 г. навигаторской школы см.: Бескровный Л.Г. Военные школы в России в первой половине XVIII в. // Исторические записки. М.; Л., 1953. Т. 42. С. 295.

⁴⁶ Доклады и приговоры... Т. 1. С. 195–196.

Масштабно и прагматически мыслящий государственный деятель, А.А. Курбатов не мог не пытаться смягчить для подведомственных крестьян и посадских тяготы реформенного лихолетья. Наиболее решительной мерой вице-губернатора в этом направлении следует, по-видимому, признать взимание податей не по переписным книгам 1678 г., а по данным переписи 1710 г., зафиксировавшей весьма заметную убыль населения. Как представляется, бывший обер-инспектор имел все основания написать в 1714 г.: «Свидетель бог, что я работал от души и сердца моего и, сколько мог, народ берег»⁴⁷.

Трудно предсказать, чем завершились бы усилия Алексея Курбатова не допустить окончательного разорения поморских жителей. Рано или поздно старания архангелогородского правителя «беречь народ» привели бы его, вероятно, к конфликту с Сенатом, к новой отставке. А может статья, неумный прибыльщик сумел бы вновь завоевать благорасположение царя, вновь бы возвысился, стал президентом какой-нибудь коллегии, тайным советником...

Нить судьбы вице-губернатора сплелась, однако, по-иному. Пути Алексея Курбатова пересеклись с братьями Соловьевыми.

В низшем звене российской администрации Д.А. и О.А. Соловьевы появились в 1705 г. В сентябре этого года Дмитрий и Осип Алексеевичи, только что получившие свободу холопы боярина Л.К. Нарышкина, были назначены комендантами Важского уезда и Устьянских волостей⁴⁸. Приложившие немало усилий для приумножения сборов с местных смоляных промыслов братья попутно ознакомили свое пребывание

⁴⁷ См.: письмо А.А. Курбатова А.В. Макарову от 8 августа 1714 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 20. Л. 887; *Серов Д.О.* Строители Империи. С. 190. Первая попытка вице-губернатора защитить вверенное население имела место, по-видимому, в ноябре 1711 г. Тогда Алексей Александрович, ссылаясь на то, что «губерния весьма разорена», попробовал добиться отмены сенатского решения о проведении дополнительного рекрутского набора.хлопоты вице-губернатора успеха, однако, не имели. Указом от 28 ноября Сенат подтвердил прежнее свое распоряжение (Доклады и приговоры... Т. 1. С. 325).

⁴⁸ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1705 г. № 136. Л. 1–2. Биографические сведения о братьях Соловьевых см.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1847. Ч. 3. С. 280–283; *Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow.* Genève, 1867. Т. 1. Р. 219–220; *Строев В.Н.* Соловьевы Дмитрий и Осип Алексеевичи // *Русский биографический словарь.* Т. «Смеловский — Суворина». С. 95–96; *Любимов С.В.* Родословия князей Ханджери, баронов Черкасовых и баронов Соловьевых // *Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии.* Тула, 1915. Кн. 1. С. 118–127. Помещенные в этих работах данные о жизни братьев отличаются неполнотой, а отчасти и прямой недостоверностью.

в Поморье вымогательством у важан и устьянцев внушительных денежных сумм⁴⁹.

Дальнейшая карьера лихоимцев-комендантов оказалась связана с внешнеторговыми учреждениями. Во второй половине 1700-х годов руководство страны, стремясь максимально повысить доходы бюджета, существенно расширило государственную монополию на вывозные товары. Для наилучшей организации казенного экспорта был основан ряд новых «камисий». Имевшие значительный опыт частной коммерческой деятельности, тесно связанные с А.Д. Меншиковым (дворецким у которого служил их брат Федор) Дмитрий и Осип Соловьевы явились вполне подходящими кандидатурами для замещения новооткрытых вакансий.

Первым с Ваги убыл Осип Алексеевич. В мае 1707 г., получив «ранг» комиссара, он был направлен в Амстердам. Новые обязанности О.А. Соловьева заключались в как можно более выгодной продаже в Голландии импортируемых из России казенных товаров⁵⁰.

Не особенно затянулось и комендантство Дмитрия Алексеевича. Пожалованный в обер-комиссары, он был в феврале 1710 г. определен в Архангельск «ведать товары царского величества приемом и покупкою, и отпуском заморским». Иными словами, в исключительное заведование вчерашнего правителя Ваги были переданы все шедшие через «Город Архангельский» экспортные операции российской казны⁵¹.

Несмотря на то что доля государственного экспорта в архангельском обороте была относительно невелика, новый пост Д.А. Соловьева являлся едва ли не «министерским». Впервые осуществление всего объема внешнеторговых мероприятий правительства было сосредоточено в руках одного человека (предшественник Дмитрия Алексеевича комиссар Федор Федоров ведал отпуском «за море» лишь приобретенного казной хлеба).

⁴⁹ Следственная канцелярия ведения И.Н. Плещеева в 1715 г. «правила» на Д.А., О.А. и А.А. Соловьевых незаконно взысканные с жителей поморских волостей 4739 рублей (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 25. Л. 373 об.). В свою очередь, весьма информированный комиссар А.С. Сергеев в дознании Сенату от 6 августа 1716 г. обвинял братьев в насильственном сборе с подведомственного населения более 20 тысяч рублей (Там же. Ф. 248. Кн. 272. Ч. 2. Л. 929 об. — 930).

⁵⁰ Там же. Ф. 50. 1707 г. № 12. Л. 1–1 об.; Ф. 286. Кн. 74. Л. 45 об.

⁵¹ Там же. Кн. 203. Л. 259; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России... С. 164. Подробности о государственных экспортных операциях 1700–1710-х годов см. в первую очередь в работах Р.И. Козинцевой (*Козинцева Р.И.* Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVII в. // Исторические записки. М., 1973. Т. 91. С. 267–337; *Козинцева Р.И.* Русский экспорт сельскохозяйственной продукции в первой четверти XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М.: Наука, 1980. Сб. 9. С. 235–236 и др.).

Архангельское назначение Дмитрия Соловьева имело еще один аспект. Основным пунктом реализации вывозимых из России пшеницы, ржи, льна, смолы, пеньки являлся Амстердам. Таким образом, в 1710 г. сложилась уникальная в истории отечественной номенклатуры ситуация: один брат распоряжался закупкой экспортных товаров, другой — их продажей в Западной Европе. Пробыл час предприимчивых и авантюристичных Соловьевых.

Трудно с точностью определить, когда именно начала действовать организованная братьями-комиссарами международная преступная группа. Располагая широкими полномочиями, имея в распоряжении значительные суммы казенных капиталов, Дмитрий и Осип Алексеевичи развернули невиданную по масштабам контрабандную торговлю запрещенными к частному вывозу товарами — в первую очередь хлебом.

Схема была незамысловата. Действуя через подставных лиц, Д.А. Соловьев закупал в «порту Архангел» параллельно казне зерно, которое затем, минуя таможду, отгружалось в Амстердам. Далее в дело вступали Осип Алексеевич и его «приятели».

Другой линией криминальной деятельности Соловьевых была ложная выбраковка казенных товаров. Приобретавшиеся в Архангельске подручными Дмитрия Соловьева по искусственно заниженным ценам, эти товары впоследствии распродавались в Голландии по их действительной стоимости. Не избегали «пенцы гнезда Петрова» и прямого расхищения государственной собственности. Так, ими была присвоена 980-килограммовая партия закупленного казной клея, проведенная затем по отчетным документам как утраченная при транспортировке⁵².

Полученную от нелегальной коммерции прибыль братья вкладывали в амстердамскую недвижимость, голландские и английские банки, акции лондонской Компании Южных морей, в покупку алмазов. К 1717 г. общая стоимость имущества О.А. Соловьева в Голландии определялась (по явно неполным данным) в 336 022 гульдена. Сумма его акционерного и банковского капитала, размещенного в Англии, составила к тому времени 16 504 фунта стерлингов⁵³.

Воровские накопления Соловьевых достигли бы, вероятно, и более впечатляющих размеров, если бы на пути братьев не встал А.А. Курбатов. Обязанный согласно указу Сената от 17 сентября 1711 г. руководить

⁵² См.: Выписка «Преступление Соловьевых» // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 36. Л. 534–535 об.

⁵³ Там же. Кн. 32. Л. 703; Кн. 55. Л. 143.

экспортными операциями «обще» с Дмитрием Соловьевым⁵⁴, Алексей Александрович не мог не выйти на след махинаций обер-комиссара.

Исходные позиции в противоборстве с Д.А. Соловьевым были далеко не выгодны для Алексея Курбатова. Во-первых, вице-губернатор не имел в своем подчинении ни следственных, ни контрольных структур. Во-вторых, благодаря высокому должностному положению Дмитрий Соловьев был совершенно неуязвим для А.А. Курбатова в административном отношении.

У бывшего обер-инспектора оставался единственный путь — передача собранной (по-видимому, негласным путем) информации непосредственно верховной власти. В феврале 1713 г. Алексей Александрович впервые известил Петра I о злоупотреблениях Д.А. и О.А. Соловьевых при установлении цен на товары казенного экспорта⁵⁵. В последующих «отписках» архангелогородский вице-губернатор обвинил братьев в незаконной хлебной торговле и неуплате таможенных пошлин.

Реакция государя была не особо скорой и не вполне однозначной. Несмотря на то что А.А. Курбатов еще со времен службы в Оружейной палате имел репутацию знатока судебного дела, самодержец так и не доверил ему произвести разбирательство дела. Вместо этого для «изследования худых поступков» Дмитрия Соловьева в Архангельск в конце июля 1713 г. был направлен слабо искушенный в юриспруденции майор гвардии князь М.И. Волконский.

Но, более того, уже подписанный царем 25 июля первоначальный указ Михаилу Волконскому оказался аннулирован. В окончательном варианте указа появился добавочный пункт, предписывающий майору

⁵⁴ Доклады и приговоры... / под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1882. Т. 2. Кн. 1. С. 34.

⁵⁵ См.: письмо А.А. Курбатова Петру I от 12 февраля 1713 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 23. Л. 95–95 об.; 200-летие Кабинета его императорского величества. 1704–1904: Историческое исследование. СПб., 1911. Приложения. С. 8–9; Письма и бумаги... М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 373. В литературе фрагментарные сведения о деле братьев Соловьевых приведены у С.М. Соловьева, В.И. Веретенникова, В.Н. Строева и Н.И. Павленко (*Соловьев С.М.* История России... Кн. 8. С. 482–483, 489–490; *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1910. С. 40–44, 52–53; *Строев В.Н.* Компетенция Кабинета с 1704 по 1717 год // 200-летие Кабинета... С. 79–80; *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. Изд. 2-е. М., 1988. С. 274–275). Более систематическое изложение хроники расследования см.: Архив Правительствующего сената / сост. П.И. Баранов. Т. 1. 1704–1725. С. 24, 29, 45, 52–54, 57–58, 61, 63–64, 67. Подробности дела см. также в уже упоминавшихся монографии «Строители Империи» (с. 101–132) и статье «Региональный администратор в борьбе с международной преступной группировкой».

взять под следствие близкого к Алексею Курбатову устюжского комиссара С.М. Акишева⁵⁶.

Именно дополнение об устюжском комиссаре дало М.И. Волконскому возможность переориентировать следствие. Не считая нужным ни взять Д.А. Соловьева под стражу, ни произвести выемку его служебных документов, ни допросить его помощников, князь Михаил Иванович со всей энергией принялся отыскивать «вины» А.А. Курбатова и служащих губернской администрации.

Не бездействовали той порой и петербургские покровители Соловьевых. Особенная угроза А.А. Курбатову исходила от бывшего патрона Александра Меншикова. До поры до времени при любой оказии старавшийся услужить светлейшему князю Алексей Курбатов рано или поздно не мог не прогневить своими разоблачениями глубоко погрязшего в казнокрадстве Александра Даниловича. И хотя в февральском послании к государю Алексей Александрович особо подчеркнул, что, по его сведениям, братья Соловьевы обворовывали и «ево светлейшество», существа дела это не меняло.

Д.А. и О.А. Соловьевы (равно как и их брат Федор) являлись в полном смысле «креатурами» Александра Меншикова, широко вовлеченными в его финансовые махинации. Не приходится поэтому удивляться, что вполне в тон донесениям М.И. Волконского светлейший со всей определенностью заявил царю, что Алексей Александрович «украл со сто тысяч рублей» и «всю губернию разорил»⁵⁷.

⁵⁶ См.: черновой отпуск «Указа маеору от гвардии Волконскому» от 25 июля 1713 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 5–5 об. Примечательно, что добавление о комиссаре С.М. Акишеве было внесено в указ не рукой секретаря Петра I А.В. Макарова (судя по всему, автора исходного варианта), а рукой состоявшего тогда при царе секретаря Посольской канцелярии В.В. Степанова. Насколько можно понять, доверительно связанный с А.А. Курбатовым Алексей Макаров, не сумев предотвратить новой редакции указа, постарался «прикрыть» архангельского вице-губернатора дополнительными распоряжениями М.И. Волконскому. По всей видимости, именно под влиянием Алексея Васильевича Петр I приказал майору, чтобы до окончания следствия о Д.А. Соловьеве он не принимал во внимание никакие обвинения против Алексея Курбатова, «ибо когда вице-губернатор на Соловьева прежде объявил, то и розыскивать о нем прежде надобно» (см.: черновой отпуск письма А.В. Макарова Михаилу Волконскому от 27 июля 1713 г. // Там же. Л. 6–6 об.). Спустя недолгое время это высочайшее предписание было, по-видимому, отменено. Подлинник именного указа от 25 июля 1713 г. см.: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1. Подробнее о ходе следствия М.И. Волконского см.: Серов Д.О. «Регулярное государство» в поисках организационных форм противодействия должностной преступности: следственная канцелярия М.И. Волконского (1713–1715 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков: Материалы IV регион. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 157–162.

⁵⁷ См.: письмо А.А. Курбатова А.В. Макарову от 8 августа 1714 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 20. Л. 88; Серов Д.О. Строители Империи. С. 191.

Но жизнь прибыльщику осложняли не только интриги Александра Даниловича. К архангельскому вице-губернатору неожиданно стали предъявлять иски по делам, вершенным им в период работы в Оружейной палате и Ратуше.

Один из таких исков вчинила Бригитта Юхомс, вдова иноземного мастера, участника разоблаченной Алексеем Александровичем в 1704 г. группы плавильщиков фальшивого серебра. Внезапно спохватившаяся вдова потребовала компенсировать ей стоимость движимого имущества мужа, якобы незаконно конфискованного А.А. Курбатовым. Основываясь на крайне сомнительной Выписке из дела, Расправная палата Сената постановила взysать с Алексея Курбатова в пользу истицы 2963 рубля 18 алтын⁵⁸.

Узysить архангельского вице-губернатора пытались и по более мелочным поводам. Так, осенью 1713 г. предметом особого рассмотрения в Сенате стал вопрос о восьми рублях, недоплаченных в Московскую больницу таможенно шурином Алексея Александровича Ф.А. Ягодинским⁵⁹.

Петр I не оставил без внимания поступающую к нему компрометировавшую Алексея Курбатова информацию. 12 января 1714 г. вице-губернатор был уволен в отставку. Что же касается отрешенного было от должности архангелогородского обер-комиссара, то 9 мая 1714 г. царь указал «Дмитрию Соловьеву быть по-прежнему у покупки и у продажи, и у отпуску за море великого государя всяких товаров...»⁶⁰. Время энтузиастов уходило. Приступало время воров.

Между тем отставка — незаслуженная и унижительная — могла окзаться лишь прологом куда более драматических поворотов в судьбе первого российского прибыльщика. Подведя итог многотрудному расследованию, майор М.И. Волконский обвинил вице-губернатора в сборе с поморских жителей «сверх окладу» 84 817 рублей, а также в расхищении 65 621 рубля⁶¹. Перед Алексеем Александровичем замаячил эшафот.

И все же бывший обер-инспектор Ратуши выстоял. Не утративший окончательно влияния в правительственных кругах, сохранивший

⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 30. Л. 1–8. Послужившая основанием для обвинительного приговора А.А. Курбатову Выписка из «серебренного дела» помещена на л. 3–4 об.

⁵⁹ См.: письмо А.А. Курбатова А.В. Макарову от 26 октября 1713 г. // Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 17. Л. 374–376 об. (док-т № 216).

⁶⁰ Доклады и приговоры... / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1888. Т. 4. Кн. 1. С. 27, 379. Главой архангелогородской администрации вместо А.А. Курбатова был временно назначен князь В.И. Гагарин, которого 24 мая 1714 г. сменил П.Е. Лодыженский.

⁶¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Кн. 193. Ч. 1. Л. 248 об.

дружественные отношения с кабинет-секретарем Алексеем Макаровым, опальный прибыльщик сумел частично оправдаться перед царем и поставить под сомнение результаты М.И. Волконского⁶².

На исходе 1714 г. майор был отозван из Архангельска, а вскоре отстранен от расследования⁶³. А 27 января 1716 г., перед самым отбытием в заграничное путешествие, Петр I распорядился передать дела Алексея Курбатова и Дмитрия Соловьева в следственную канцелярию ведения Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова.

Вступив в расследование, гвардии капитан Герасим Кошелев и дьяк Федор Воронов достаточно быстро разобрались, чья именно деятельность оказалась более вредительской для российской казны. Оставив в стороне обвинения против А.А. Курбатова, полковник и дьяк сосредоточили усилия на изучении коммерческих операций Дмитрия Алексеевича Соловьева. Попутно Герасим Иванович и Федор Дмитриевич сильно заинтересовались причинами невиданного либерализма, проявленного в отношении архангелогородского обер-комиссара князем Михаилом Волконским.

Попытки Михаила Ивановича помешать действиям преемников, затягивая передачу материалов следственного дела, не увенчались успехом. В декабре 1716 г. Петр I приказал силой изъять у майора еще оставшиеся

⁶² Деятельность — и саму личность — М.И. Волконского эмоциональный А.А. Курбатов неизменно характеризовал в самых мрачных тонах. Так, в 1716 г. опальный вице-губернатор писал, что «мазор чином он, Волконской, царского величества нарядной преступник, его величества вымышленной оболгатель, указы его государева непослушник, многих государственных интересов повредитель, лукавой прикрыватель и сам повредитель и хищник, многих напрасный разоритель и кровопийца и мучитель, злодейственный вор и коварный составщик и лакомый мздоимец, и давно обылкий яедник и ученик богопротивного волшебства...» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 27. Л. 782).

⁶³ Из внешних событий, несомненно, способствующих отзыву М.И. Волконского из Архангельска, следует отметить, во-первых, появление — возможно, инициированное А.А. Курбатовым — обличающего майора подметного письма, во-вторых, падение его родного брата Г.И. Волконского. В подробном 1 сентября 1714 г. к воротам Устюжской провинциальной канцелярии письме утверждалось, в частности, что в «бытность на Устюге майор князь Волконской народу чинил великое разорение и со многих брал взятки...». Незамедлительно переправленное в Санкт-Петербург обличительное письмо рассматривалось Сенатом, который 10 ноября распорядился «объявить по всей [Архангелогородской] губернии указами и выставить листы, дабы... подметчик [автор письма] явился в Санкт-Петербурку в канцелярии Сената...» (Доклады и приговоры... / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1891. Т. 4. Кн. 2. С. 1089–1090). Что же касается одного из самых ярких недоброжелателей А.А. Курбатова князя Григория Волконского, то уличенный следственной канцелярией В.В. Долгорукова в причастности к «подрядной афере», он был исключен из числа сенаторов и 6 апреля 1715 г. подвергнут телесному наказанию — публичному жжению языка (Походный журнал 1715 года. СПб., 1855. С. 12).

у него документы. Одновременно царь дал Г.И. Кошелеву санкцию на арест бывшего следователя⁶⁴.

Сюжетами о «плутовстве» князя Волконского и о непомерно рентабельной торговле Д.А. Соловьева особенно внимательно занялся дьяк Федор Воронов. Летом 1716 г. воспрянувший духом Алексей Курбатов писал кабинет-секретарю Макарову, что «во изследовании дел оных трудитца твердо и к его величеству верно господин Воронов, ему же мздовоздатель господь бог...»⁶⁵.

Перелом в рассмотрении дела Соловьевых был связан, думается, с произошедшим в 1715–1716 гг. ухудшением позиций А.Д. Меншикова. Заметно потесненный в неофициальной иерархии российской власти князем В.В. Долгоруковым, сам оказавшийся под следствием, Александр Данилович не имел более возможностей с прежним успехом действовать в защиту братьев⁶⁶.

1717 г. принес Соловьевым новые осложнения. 27 августа Петр I лично арестовал в Голландии успешного к тому времени принять амстердамское гражданство О.А. Соловьева. Вскоре гвардейский конвой во главе с генерал-адъютантом С.Г. Нарышкиным доставил комиссара в Россию⁶⁷.

Как извещал брата в зашифрованном письме сопровождавший Петра I В.В. Долгоруков, «а розыскивать им [О.А. Соловьевым] будут о банке,

⁶⁴ См.: черновой отпуск письма В.В. Долгорукова Г.И. Кошелеву от 28 декабря 1716 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 36. Сведения о попытках М.И. Волконского препятствовать деятельности следственной канцелярии Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова см., в частности, в письмах А.А. Курбатова Петру I от 18 июня и от 26 октября 1716 г., а также в письме Федора Воронова А.В. Макарову от 20 ноября 1716 г. // Там же. Отд. 2. Кн. 27. Л. 784–784 об., 802–802 об.; Кн. 95. Л. 711 об., 712.

⁶⁵ См.: письмо А.А. Курбатова А.В. Макарову от 20 июля 1716 г. // Там же. Кн. 27. Л. 803 об. Аналогичная характеристика следственных розысканий Ф.Д. Воронова читается и в ряде других посланий бывшего вице-губернатора. Так, в письме Петру I от 26 октября 1716 г. Алексей Александрович упомянул, что Федор Воронов, «отложая всякий посторонний страх, работает Вашему величеству всеусердно...» (Там же. Кн. 95. Л. 712; *Серов Д.О.* Строители Империи. С. 193).

⁶⁶ Подробности об ухудшении позиций А.Д. Меншикова в середине 1710-х годов см. прежде всего в работах Н.И. Павленко и особенно П. Бушковича: *Павленко Н.И.* Александр Данилович Меншиков. М.: Наука, 1984. С. 99–103; *Bushkovitch P.* Peter the Great: The Struggle for Power. 1671–1725. Cambridge University Press, 2001. P. 322–334. О том, насколько шатким было в тот момент положение Александра Даниловича, свидетельствует, между иного, тот факт, что не отличавшийся глубокой религиозностью светлейший в [1715 г.] обратился к знаменитому провидцу и визионеру епископу Досифею с вопросом, «что он [Меншиков] от того [расследования его подрядных машинаций] будет ли свободен или не будет». Справедливо предсказавший сановнику, что «Бог ево от той беды свободит», епископ впоследствии получил от светлейшей княгини Д.М. Меншиковой на раздачу нищим 100 рублей и 100 червонных (см. показания Досифея на процессе 1718 г. // РГАДА. Ф. 6. № 109. Л. 33).

⁶⁷ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1–2. М., 1872. Т. 2. С. 83.

понеже, как слышно, что болши полумилиона в банке, и не одного ево... что будет конечно явно: за кожей панцыря нет»⁶⁸.

На исходе 1717 г. решила судьба столь благожелательного к братьям Соловьевым князя М.И. Волконского. 9 декабря по приговору военного суда майор был расстрелян⁶⁹.

Не успокаивался тем временем и Алексей Курбатов. Продолжавший на свой страх и риск — сугубо как частное лицо — осуществлять следственные мероприятия, он сумел склонить к сотрудничеству холопа Александра Меншикова С.И. Дьякова. Доверенный помощник светлейшего князя, видный предприниматель и юрист («ходивший», как некогда А.А. Курбатов, «за делью» хозяина), Семен Иванович имел весьма широкий доступ к секретному архиву патрона. Соблазненный перспективой «немалого награждения за верность царскому величеству» Семен Дьяков в ноябре 1717 г., бежав от А.Д. Меншикова, передал Алексею Александровичу изъятую из бумаг светлейшего подборку документов, неоспоримо уличавших братьев Соловьевых в крупномасштабном нарушении «торговых прав». Сам же беглец укрылся под охраной гвардейцев в канцелярии Г.И. Кошелева.

Заполучив в свое распоряжение похищенные С.И. Дьяковым материалы, Алексей Курбатов незамедлительно представил их лично Петру I. Не имея возможности более отпираться, Дмитрий и Осип Соловьевы «принесли вины»⁷⁰.

⁶⁸ См.: письмо В.В. Долгорукова М.В. Долгорукову от 27 сентября 1717 г. // РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 221 об.

⁶⁹ Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 36. Состав инкриминированных М.И. Волконскому деяний на сегодняшний день не окончательно ясен. Поиски следственного дела Михаила Ивановича, предпринятые автором в фондах РГАДА, РГВИА и РГИА, к настоящему времени успехом не увенчались. Насколько можно судить, князь был обвинен в свертывании — в нарушение именного указа от 27 июля 1713 г. — расследования против Дмитрия Соловьева, частичной фальсификации дела А.А. Курбатова и, вероятно, во взятках с поморских жителей.

⁷⁰ Наиболее подробные данные о событиях, связанных с бегством С.И. Дьякова, см. в показаниях А.А. Курбатова на допросе в канцелярии Г.И. Кошелева 19 февраля 1718 г., а также в «Мемории» [1718 г.] // РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Кн. 193. Ч. 1. Л. 227 об. — 228; Ф. 9. Отд. 2. Кн. 36. Л. 532. В истории с подговором Семена Дьякова к побегу немаловажную роль сыграл, по-видимому, фискал М.А. Косой. Показательно, что именно ему Алексей Курбатов поручил обеспечить личную безопасность С.И. Дьякова до момента прибытия того в следственную канцелярию. Располагавший широкими связями в предпринимательских кругах, энергичный и склонный к риску, Михаил Андреевич, как представляется, вполне мог выступить посредником в переговорах Алексея Александровича с Семеном Дьяковым касательно выемки из архива А.Д. Меншикова документов, компрометирующих Соловьевых. Парадоксальный союз ревностного поборника закона А.А. Курбатова с отъявленным авантюристом Михаилом Косым мог сложиться вследствие искреннего стремления фискала содействовать разоблачению Д.А. и О.А. Соловьевых. Участие в столь крупном деле в случае успеха могло весьма

Для уточнения некоторых деталей «худых поступков» братьев Г.И. Кочелев и Ф.Д. Воронов решили подвергнуть «розыску» канцеляриста Федора Резанова. Допрос под пыткой был назначен на 13 февраля 1718 г.

Федор Резанов знал очень и очень многое. «Молодой» (младший) подьячий Важской приказной избы, он оказался под началом Дмитрия Соловьева еще в самом начале своей карьеры — в 1705 г. Уезжая спустя четыре года по вызову Ближней канцелярии в Москву, Дмитрий Алексеевич забрал подьячего с собой. Вернуться на Вагу Ф. Резанову уже не довелось. Новым местом его службы стала «камисия» обер-комиссара Д.А. Соловьева в Архангельске.

Следственные мероприятия М.И. Волконского, судя по всему, никак не затронули бывшего важского подьячего. Более того, в разгар следствия обер-комиссар выхлопотал для господина Резанова повышение в чине. В начале декабря 1715 г. указом Правительствующего сената он был произведен в канцеляристы⁷¹. На протяжении многих лет являясь, по существу, личным секретарем Дмитрия Алексеевича, Федор Резанов располагал, без сомнения, уникальной информацией о контрабандных грузах, проследовавших по маршруту «Архангельск — Амстердам».

Между тем вздернутый на дыбу «писарь Соловьевых» мог немало порассказать и о других примечательных сюжетах. Вряд ли умолчал бы он, например, о выполнявшихся Дмитрием и Осипом Соловьевыми деликатных поручениях одного чрезвычайно влиятельного человека. Поручениях, связанных с размещением в голландских банках весьма и весьма значительных денежных сумм.

«Пыточные речи» Федора Резанова грозили превратить в кандидата на застенок старинного покровителя Соловьевых Александра Даниловича Меншикова. Уж кто-кто, а не один год занимавшийся распутыванием махинаций светлейшего дьяк Федор Воронов нашел бы способ дать ход разоблачительным признаниям канцеляриста Федора Резанова...

В этой крайне тревожной ситуации А.Д. Меншиков решил нанести упреждающий удар. Утренним временем 13 февраля 1718 г. обитатели Татарской слободы города Санкт-Петербурга растревожены были внезапным появлением воинской команды. Предводительствуемые самим бригаиром и от гвардии майором князем Юсуповым солдаты устремились к знатному дому на берегу Невы...

благодарно сказать на служебном положении Михаила Андреевича, опасно пошатнувшись тогда из-за конфликта с обер-фискалом А.Я. Нестеровым.

⁷¹ См.: послужный список Ф. Резанова 1737 г. // РГАДА. Ф. 286. Кн. 203. Л. 259–260.

Взятого утром 13 февраля под стражу А.А. Курбатова доставили в Петропавловскую крепость. Здесь Алексей Александрович был допрошен лично герцогом Александром Меншиковым. Порасспросив А.А. Курбатова о беглом комиссаре Александре Сергееве, которого днем ранее якобы видели в его доме, светлейший князь обрушился на прибыльщика с горькими упреками: «...Для чего де ты Дьякова к себе принял, он де вор, покрал у меня многия писма, по тому де и ты стал такой же вор, что вора у себя держишь...».

В тот же день в крепость насильно доставили и дьяка Ф.Д. Воронова. Явственно выведенный из душевного равновесия перспективой откровений Федора Резанова Александр Данилович без обиняков заявил дьяку: «...Ты де, вороной конь, я де тебя, такую масть, зделаю граненым и разрушу де вашу воровскую компанию»⁷².

Угрозы светлейшего подействовали. Пытка канцеляриста была отменена.

Особые меры принял Александр Данилович в отношении Семена Дьякова. По указанию «его княжой светлости» был произведен тщательный осмотр домашнего архива беглеца. К удовлетворению герцога, между бумаг С.И. Дьякова удалось обнаружить состоявшие из бессмысленного набора буквосочетаний странные записи. Появился реальный шанс обвинить неверного служителя в составлении богопротивных «волшебственных речей». В начале января 1718 г. А.Д. Меншиков представил загадочные «литеры» Правительствующему сенату.

Допрос С.И. Дьякова сенаторами был назначен на 13 января. Доставленный в здание Сената под охраной солдат Г.И. Кошелева Семен Дьяков дал убедительные разъяснения, что таинственные записи являются черновиками безуспешно составлявшихся им палиндромов⁷³ (риторических фигур, в которых слова от конца к началу читаются так же, как от начала к концу).

Узнав о благоприятном для С.И. Дьякова исходе допроса, А.Д. Меншиков не растерялся. Не находя более формальных поводов «теснить»

⁷² Как уже указывалось, события 13 февраля 1718 г. подробно освещены в письме А.А. Курбатова А.В. Макарову от 20 февраля 1718 г., а также в упоминавшихся показаниях Алексея Александровича на допросе 19 февраля. Стоит заметить, что работавший с письмом Алексея Курбатова от 20 февраля С.М. Соловьев неверно воспроизвел один из фрагментов послания. Согласно изложению Сергея Михайловича, «...светлейший князь брал в крепость и дьяка Федора Воронова и говорил ему: “Ты вороной конь, тебя, такую м... зделаю граненым”». В действительности в подлиннике письма над словом «мать» читается вполне различимая выносная «с».

⁷³ См.: дело по обвинению С.И. Дьякова в составлении «заговорных писем» // РГАДА. Ф. 248. Кн. 272. Ч. 2. Л. 940–959. Копии с изъятых из архива Семена Дьякова бумаг помещены на л. 943–956, протокол его допроса — на л. 958–959.

бывшего служителя, Александр Данилович через некоторое время просто-напросто приказал Герасиму Кошелеву содержать беглеца на положении арестанта. Не рискуя послушаться генерал-фельдмаршала, полковник заковал Семена Дьякова в цепи⁷⁴.

Столь неприкрытое вмешательство Александра Меншикова в расследование, находившееся «на контроле» у самого царя, с одной стороны, являло собой жест отчаяния. Возможные показания много знающих С.И. Дьякова и Ф. Резанова и не менее вероятные последующие откровения Д.А. и О.А. Соловьевых в самом деле подводили князя прямоиком к эшафоту. С другой стороны, в первых числах февраля 1718 г. произошли события, на фоне которых подобное самоуправство герцога Ижорского вполне могло остаться безнаказанным.

Ночь с 6 на 7 февраля 1718 г. выдалась бессонной для губернатора Санкт-Петербурга генерал-фельдмаршала Александра Даниловича Меншикова. Отойдя ко сну, по обыкновению, в 9 часов вечера, светлейший князь уже спустя два часа был разбужен прибывшим от Петра I курьером. Переговорив с государевым посланцем «во особой комнате тайно», Александр Данилович приказал немедленно поднять по тревоге офицеров гвардейских полков. Местом сбора был назначен дом губернатора.

Явившихся к светлейшему вооруженных «штап- и обор-офицеров» разделили на две группы. Одна из них, возглавленная лично А.Д. Меншиковым, арестовала отставного адмиралтейского советника Александра Кикина. Другая — во главе с генерал-майором Г.П. Чернышевым и бригадиром Г.Д. Юсуповым — взяла под стражу камердинера царевича Алексея Ивана Афанасьева. Разместив задержанных в полковых казармах, участники операции провели в Зимнем дворце краткое совещание и разъехались по домам⁷⁵.

74 См.: «Мемория» о С. Дьякове [1718 г.] // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 36. Л. 532. Автором «Мемории», по всей видимости, следует признать А.А. Курбатова. Помимо дословного совпадения некоторых оборотов документа с фрагментами показаний Алексея Александровича на допросе 19 февраля, можно отметить явное сходство почерка, которым написана «Мемория», с почерком писца, которым написаны письма бывшего вице-губернатора от 20 февраля и от 17 апреля 1718 г. (см.: Там же. Л. 529–531 об.).

75 Подробности событий в ночь с 6 на 7 февраля 1718 г. см.: Поденные записки А.Д. Меншикова 1718 г. // Там же. Ф. 11. Кн. 53. Ч. 2. Л. 24–25 об.; Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах, XVIII–XX вв. Вып. 10. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. М.: ТРИТЭ; Российский архив, 2000. С. 197.

Произведенные в ночь на 7 февраля аресты предвозвестили начало «розыска» по делу царевича Алексея Петровича — крупнейшего политического процесса в истории России XVIII в. Процесса, оборвавшего многие жизни и словавшего немало карьер.

Сын Петра I от несчастного брака с Е.Ф. Лопухиной, в восьмилетнем возрасте разлученный с матерью, царевич Алексей характером и умонастроениями менее всего напоминал отца-реформатора. Искренне религиозный, не разделявший ни отцовского войнолюбия, ни его преклонения перед достижениями западной цивилизации, царевич никак не вписывался в удалую когорту строителей «регулярной» России.

Постоянно третируемый грубым и деспотичным отцом, неоднократно подвергавшийся избиениям, впечатлительный и эмоционально неустойчивый Алексей Петрович решился в конце концов на отчаянный шаг. Осенью 1716 г., находясь за границей, он обратился к австрийскому императору Карлу VI с просьбой о предоставлении политического убежища.

Разъяренный Петр I приказал любой ценой вернуть беглеца. Первоначально, стараниями резидента А.П. Веселовского и капитана гвардии А.И. Румянцева, было установлено точное местопребывание августейшего невозвращенца. Затем в дело вступил тайный советник П.А. Толстой. Опытнейший дипломат, он сумел заманить царевича обратно в Россию⁷⁶.

Возвращение Алексея давало Петру I не только возможность сурово покарать нелюбимого сына. Болезненно подозрительный царь заполучил уникальный шанс прояснить степень политической благонадежности любого правительственного и придворного дельца. Достаточно было лишь выпросить у царевича, кто именно симпатизировал ему, выражал сочувствие, знал, но не донес о его намерении бежать за границу.

Первая встреча монарха с неверным сыном произошла 4 февраля 1718 г. в Ответной палате Московского Кремля. Находившийся тогда в бывшей столице обер-фискал Алексей Нестеров так описывал А.Д. Меншикову один из эпизодов встречи:

...И потом его величество изволил еще говорить громко же, чтоб показал самую истину, кто его высочеству [царевичу] были согласники, чтоб

⁷⁶ Систематическое изложение обстоятельств бегства царевича Алексея Петровича, его поисков и возвращения в Россию см. в труде Н.Г. Устрялова: *Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого*. Т. 6. С. 46–118 и др. Из литературы по этому вопросу см. также: *Соловьев С.М. История России...* Кн. 9. С. 142–161; *Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и Вольная печать*. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1984. С. 50–54; *Tolstoy N. The Tolstoys: Twenty generations of Russian History. 1353–1983*. 2nd ed. 1985. P. 83–90; *Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова*. С. 188–204.

объявил. И на те слова его высочество поползнулся было говорить, но понеже его величество от того сократил, и тем его высочества разговор кончился...⁷⁷

Разговор о «согласниках», прерванный Петром I в Кремле, разумеется, не мог не возобновиться. Совершенно деморализованный, запоздало осознавший весь ужас своего положения, царевич оговорил немалое число «особ». Вскоре последовали откровения и первых арестованных.

Напряжение усиливалось. Чем дальше, тем больше перед мнительным царем вырисовывалась душераздирающая картина направленного против него обширного заговора, участники которого таились решительно повсюду.

Апогеем панических настроений, овладевших Петром I в те дни, следует, видимо, счесть указ от 17 февраля. Доставленный в Петербург особым курьером и зачитанный сенаторам во 2-м часу ночи, документ гласил:

Господа Сенат.

Понеже в деле сына моего горазда много являецца, того ради накрепко закажите, чтоб никто, пока мы будем, из Питербурха не ездил, и чтоб соседи друг за другом смотрели, а по дорогам крепкия заставы, и в города указы пошлите. А какая нужда о делах кого послать, и тем давайте за руками всех в Сенате будущих подорожных, а окроме тех и моей собственной подписи никому б не верили и всех бы брали за караул⁷⁸.

Взять «за караул» всех было, конечно, нереально. Но и без этого кампания арестов, прокатившаяся по городу на Неве в феврале 1718-го, ужаснула современников.

Среди задержанных оказались самые разные люди: сенаторы и руководители центральных ведомств, генералы и придворные служители, священники и рядовые чиновники. Оказался среди них и человек, сам весьма сведущий в искусстве проведения допросов и очных ставок, человек, издавна привыкший к стонам истязуемых и к смраду пыточных казематов.

1718 г. месяца февраля близ 20-го числа в городе Санкт-Петербурге был взят под стражу дьяк Федор Дмитриевич Воронов⁷⁹.

⁷⁷ [Есипов Г.В.] Письмо обер-фискала Нестерова к князю Меншикову // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 1. № 2. С. 200.

⁷⁸ СИРИО. Т. 11: Указы, письма, бумаги и резолюции Императора Петра I (1704–1725 гг.). С. 369.

⁷⁹ Арест Ф.Д. Воронова был произведен во исполнение личного распоряжения Петра I, содержащегося в письме А.Д. Меншикову от 17 февраля 1718 г. // РГАДА. Ф. 5. Кн. 26. Л. 311.

«Птенца гнезда Петрова», который отныне решал судьбу Федора Воронова, звали Петр Андреевич Толстой. Вступивший в службу еще в 1672 г., он длительное время не относился к числу видных деятелей российского руководства. Стольник царицы Натальи Кирилловны, а затем царя Ивана Алексеевича, воевода в Великом Устюге, посол в Турции — таковы были вехи не особенно блестящей карьеры Петра Андреевича⁸⁰.

Весьма успешно проявивший себя на дипломатическом поприще, с честью выдержавший в бытность «в турках» многие злоключения, тайный советник Петр Толстой по прибытии в конце 1714 г. в Санкт-Петербург остался вовсе без должности. Дипломата с 13-летним стажем, по существу, зачислили в резерв Посольской канцелярии.

В дальнейшем, судя по всему, П.А. Толстого предполагалось вновь направить послом в одну из европейских столиц — вероятно, в Париж или Вену. Человек незаурядного ума, разносторонней образованности, твердой воли и редкостью обаяния, Петр Андреевич претендовал между тем на куда более высокое положение в правительственной иерархии. Честолюбивые устремления тайного советника не остались бесплодными. Назначенный благодаря протекции П.П. Шафирова руководителем операции по возвращению в Россию царевича Алексея⁸¹, Петр Андреевич сумел в полной мере использовать этот шанс завоевать расположение Петра I.

⁸⁰ Из литературы о П.А. Толстом укажем: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого: С портретами их. М., 1821. Ч. 2. С. 79–88; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 3. С. 428–433 (незначительно расширенный вариант предыдущей статьи); *Попов Н.А.* Из жизни П.А. Толстого, одного из следователей по делу царевича Алексея Петровича // *Русский вестник*. 1860. Т. 27. № 11. С. 319–346; *Попов Н.А.* Граф Петр Андреевич Толстой с 1645 по 1727 г. // *Древняя и новая Россия*. 1875. Т. 1. № 3. С. 226–244; *Павлов-Сильванский Н.П.* Граф Петр Андреевич Толстой // *Павлов-Сильванский Н.П.* Соч.: т. 1–3. Т. 2. СПб., 1910. С. 1–41; *Tolstoy N.* The Tolstoys. P. 58–104; *Munro G.E.* Tolstoy Petr Andreevich // *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History*. Academic International Press, 1985. Vol. 39. P. 110–114; *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 117–245. Помимо этих очерков, отметим два жизнеописания Петра Андреевича, составленных современниками — датским посланником Г. Вестфаленом и французским консулом Виллардо. Публикацию первого из них см.: СИРИО. Т. 66: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Ч. 6 (1728–1733 гг.). СПб., 1889. С. 71–87. Академическое издание сочинения Виллардо см.: *Mazon A.* Pierre Tolstoj et Pierre le Grand // *Analecta Slavica*. Amsterdam, 1955. Русский перевод этого сочинения см.: Краткое описание жизни графа Петра Андреевича Толстого. Сочинение французского консула Виллардо // *Русский архив*. 1896. Кн. 1. № 1. С. 20–28.

⁸¹ В росписи глав «Славяно-русской истории», к составлению которой приступил в 1723 г. Б.И. Куракин, под № 281 помещен следующий текст: «О назначении меня посылки к царскому двору для призвания царевича, все сие было в Париже. А в Шпа

В декабре 1717 г. находившийся вместе с царевичем на пути в Москву П.А. Толстой был определен президентом новоустроенной Коммерц-коллегии. Два месяца спустя он возглавил особо учрежденную для изучения обстоятельств дела царевича следственную канцелярию.

Для 65-летнего Петра Андреевича это был еще один шанс. На этот раз, правда, ставки были выше. В случае успеха речь шла не просто о благоволении монарха — благоволении, которым пользовались десятки сановников. Перед бывшим устюжским воеводой открылась неповторимая возможность войти в число наиболее доверенных сотрудников царя, стать одной из ключевых фигур российской власти. Надлежало лишь, растравив навязчивую подозрительность Петра I, выставить себя умелым и неустрашимым разоблачителем сложившегося вокруг Алексея Петровича зловещего заговора.

Выполнению этой задачи способствовал ряд обстоятельств. С одной стороны, оппозиция реформам — хотя и сугубо пассивная — в самом деле крылась повсеместно. С другой — с Алексеем Петровичем, легитимным наследником российского престола, соприкасалось множество «разных чинов людей». Убедить же царевича, равно как и его ближайших служителей, дать нужные показания было делом исключительно времени. Выдающиеся дипломатические способности Петра Андреевича, при необходимости подкрепленные кнутом и горящим веником, могли склонить к «сотрудничеству» любого подследственного.

Конструирование мифического заговора требовало, однако, изрядной осторожности. Выбивая из арестованных «компромат» на высших должностных лиц, ни в коем случае нельзя было задеть интересов тех «господ вышних командиров», которые — даже в зыбкой ситуации первых месяцев 1718 г. — сохраняли возможность «утопить» самого Петра Андреевича.

Более всего осмотрительности тайному советнику Толстому следовало проявлять во взаимоотношениях с Александром Меншиковым. Герцог Ижорский, положение которого, казалось, бесповоротно пошатнулось в связи с разоблачением его криминальных деяний следственной канцелярией В.В. Долгорукова, в начале 1718 г. стремительно восстановил свой «кредит». С давних пор имевший неприязненные отношения с Алексеем Петровичем, герцог оказался среди очень немногих правительственных деятелей, оставшихся в те смутные дни совершенно вне подозрений Петра I.

по приезде Румянцова чрез интриги Толстова и Шафирова пременилось, и отправлен Толстой, и об его отправлении и инструкциях» (Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1. С. 90–91).

Но не только это существенно укрепило позиции Александра Даниловича. 20 февраля он лично арестовал в Петербурге оговоренного царевичем генерал-лейтенанта Василия Долгорукова, своего следователя и наиболее опасного соперника в царском окружении⁸². Именно падение князя Василия Владимировича, сосланного в конце концов за «дерзновенные слова» в Соликамск⁸³, в полной мере восстановило былое могущество А.Д. Меншикова. Со столь влиятельным «министром» господину Толстому следовало искать союза любой ценой.

Еще недавно, находясь в Константинополе, Петр Толстой решительно ничем не мог быть полезен «полудержавному властелину»⁸⁴. Лихой 1718 год переменял ситуацию. Сосредоточивший в своей канцелярии все нити грандиозного политического расследования Петр Андреевич оказался для светлейшего весьма ценным «приятелем». Сложившееся в дни «царевичева розыска» союзничество тайного советника Толстого и

⁸² См.: письмо А.Д. Меншикова Петру I от 20 февраля 1718 г. // РГАДА. Ф. 6. № 55. Л. 1. В связи с арестом В.В. Долгорукова в Записной книге Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии была сделана весьма характерная запись: «Привез в гварнизон в 1 часу светлейший князь господина генерала князя Василия Володимировича» (*Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого*. Т. 6. С. 601). Положение, которое к этому времени занимал Василий Долгоруков, было столь высоким, что его — уже арестанта — писарь машинально продолжал именовать с полным титулованием и по имени-отчеству.

⁸³ Краткое изложение дела В.В. Долгорукова см.: Там же. С. 195–201. Отвезенный в окопах в Москву, князь Василий Владимирович уже 14 марта 1718 г. был приговорен к лишению чинов, конфискации имущества и ссылке. Петр I не торопился, однако, утверждать приговор, и князь продолжал содержаться под арестом и подвергаться допросам. Наконец 5 июля царь утвердил решение суда, распорядившись отправить бывшего генерал-лейтенанта в Соликамск. 21 июля в сопровождении четырех солдат и офицера Василий Владимирович отбыл к месту ссылки. Главнейшая вина Василия Долгорукова заключалась в том, что, будучи направлен Петром I убеждать царевича дать подписку об отречении от престола, он высказал крамольную мысль, что «по требованию отцову хотя б десять или дватцать писем давать надобно, это не такая писма, как между нашею братьею преж сего бывали, с слезами и с неустойкою, и опасатца этова нечего» (см. признательные показания В.В. Долгорукова от 23 июня 1718 г. // РГАДА. Ф. 6. № 55. Л. 17 об.; *Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого*. Т. 6. С. 200).

⁸⁴ В середине 1710-х годов в своих властолюбивых планах П.А. Толстой делал основную ставку на подканцлера П.П. Шафирова, с которым чрезвычайно сблизился за время совместного пребывания в Турции в 1711–1714 гг. О том, с какой готовностью Петр Андреевич был готов «служить» подканцлеру, свидетельствует, в частности, письмо тайного советника А.Д. Меншикову от 11 марта 1717 г. В этом послании Петр Толстой — тогда еще сугубо периферийный корреспондент герцога Ижорского — писал между иного о том, что «истинно, государь, не для моей дружбы с Петром Павловичем Шафировым, ниже с его согласия, но самую правду доношу, что здесь вашей светлости друга вернова приятеля такова нет, и во всяких случаях вам так служит, как надлежит верному приятелю» (РГАДА. Ф. 198. № 963. Л. 32 об. — 33).

генерал-фельдмаршала Меншикова было скреплено кровью Федора Дмитриевича Воронова.

Дьяка Федора Воронова пытали трижды⁸⁵. Следователь, вплотную приблизившийся к разгадке многих тайн Александра Меншикова и Дмитрия Соловьева, оказался не самым сговорчивым подследственным. Изувеченный, получивший на первых двух «розысках» в общей сложности 40 ударов кнутом, дьяк пытался сопротивляться, отказываться от «сотрудничества» с Петром Толстым.

Обвинения, выдвинутые против Федора Дмитриевича, базировались исключительно на показаниях камердинера Ивана Афанасьева. Как явствует из документов следственного дела, 17 февраля камердинер сообщил П.А. Толстому, что

при отъезде де своем ис Питербурха за царевичем объявил он дьяку Федору Воронову, что царевич поехал не к отцу, но в Немецкую землю. И он де, Воронов, сказал: то де хорошо и дал ему, Ивану, цыфирь и сказал, чтоб с ним тою цыфирью он, Иван, переписывался. И ежели де и царевичу будет угодно, и он, Воронов, и царевичу служить готов и с ним переписыватца...⁸⁶

Эти утверждения И. Афанасьева порождают серьезные недоумения. Во-первых, нельзя не отметить, что Федор Воронов — представитель «партии» В.В. Долгорукова — и отдаленно не принадлежал к числу лиц, близких к Алексею Петровичу. Извещать столь видного деятеля зловещей системы следственных канцелярий о намерениях царевича ехать в «Немецкую землю» было чистейшим безрассудством. Во-вторых, честолюбивый и прошедший жесткую школу аппаратных интриг Федор Дмитриевич в 1716 г. в принципе не мог позволить себе открыто заявить о готовности «служить» царевичу.

Еще более сомнительными выглядят откровения Ивана Афанасьева касательно якобы переданной ему Ф.Д. Вороновым «цыфири» — шифре: с одной стороны, использование «цыфирных азбук» в частной переписке широко практиковалось сановниками петровских времен⁸⁷, с другой — обмен шифрами предполагал ту самую доверительность отношений, которой между дьяком и камердинером не было и в помине.

⁸⁵ Следственное дело Ф.Д. Воронова см.: РГАДА. Ф. 6. № 53. Краткое изложение материалов дела см.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 193–194.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 6. № 53. Л. 5.

⁸⁷ О системах шифрования, применявшихся в России в первой четверти XVIII в., подробнее см.: *Соболева Т.А.* Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII — начала XX в.). М.: Междунар. отношения, 1994. С. 48–69.

Нельзя не обратить внимание и на то, что в материалах дела Ф.Д. Воронова полностью отсутствуют вещественные доказательства — шифровальные таблицы, иные записи криптографического характера. Более того, в ходе следствия ни Ивану Афанасьеву, ни Федору Воронову не было задано ни единого вопроса как относительно параметров «цыфири», так и относительно ее происхождения.

Обвинения в адрес Ф.Д. Воронова явились, судя по всему, от начала до конца вымышленными. Сочиненные, вероятно, Петром Толстым, они были «озвучены» пытавшимся облегчить свою участь камердинером Афанасьевым.

Стремившийся во что бы то ни стало подвести следователя к плахе, Петр Андреевич торопил события. По его приказу «застенок» Федору Воронову «учинялся» — вопреки обычаю — почти без перерывов: 28 февраля, 3 марта, 6 марта... Угроза Александра Меншикова «зделать» Федора Дмитриевича «граненым» обрела страшную явь.

В конце концов заплечные мастера сломили упорство опального дьяка. На допросе 6 марта Ф.Д. Воронов признал себя виновным по всем пунктам.

Между тем несколько позднее, 11 марта, И. Афанасьев пополнил свои показания на дьяка Воронова. По словам камердинера,

в доме своем Воронов сказывал ему: слышал де... я, что есть у государя метреса, и царица де про то ведает. И как де приехала в Галандию, стала пред государем плакать. И государь де спросил ее, кто тебе сказывал. И она де сказала, что де мне сказала полковница, а к ней де писал Платон [Мусин-Пушкин]. И Платона де государь за это бил...⁸⁸

⁸⁸ РГАДА. Ф. 6. № 53. Л. 5 об.; Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 187–188, 475. Заметим, что, в отличие от других обвинений, выдвинутых против Ф.Д. Воронова, эпизод с его рассуждениями о «метресе» Петра I, как представляется, вполне мог иметь место. Беспорядочная личная жизнь царя, безусловно, широко обсуждалась в правительственных кругах. Да и степень информированности Федора Дмитриевича о придворных событиях была — вследствие тесных связей с В.В. Долгоруковым — бесспорно высокой. Примечательно, что эпизод с обсуждением государевой «метресы» П.А. Толстой попытался вменить в вину и сенатору М.В. Долгорукову — брату Василия Владимировича. На одном из допросов истерзанный пытками Федор Воронов дал показания о том, что сказал он «князь Михаилу Долгорукову: говорят де, что будто государь взял матрису [и царица де про то ведает...] И он де, князь Михайла, на те ево слова сказал, что Платона де за то и били» (РГАДА. Ф. 6. № 53. Л. 7 об.). Михаил Долгоруков не подтвердил слов дьяка. По утверждению Долгорукова, «будучи у него он, Воронов, говорил: говорят де, что будто государь у брата твоего взял девуку. И он де, князь Михайло, сказал: вот де какая беда. А о Платоне, что Платона де за то и били, от Воронова он не слышал, и сам ему, Воронову, о том не говаривал». На последовавшей очной ставке Федор Дмитриевич повторил свои прежние показания, добавив, что «при том он же, князь Михайло, говорил: как де царица послышала, что у государя есть матреса, ехала к нему наскоро в Езель, и от того де извергла. А в Москве

28 июля 1718 г. Правительствующий сенат приговорил Ф.Д. Воронова к смертной казни⁸⁹. 8 декабря в Санкт-Петербурге «близ Гостиного двора у Троицы» Федор Дмитриевич был обезглавлен. Вместе с ним встретили смерть еще четверо осужденных по делу царевича Алексея — в их числе оговоривший дьяка камердинер И. Афанасьев. Головы казненных были насажены на железные спицы, а тела «положены на столбах на колеса»⁹⁰.

Не один год мертвая голова Федора Дмитриевича взирала пустыми глазницами на толчею Сытного рынка. Лишь в июле 1727 г. император Петр II указал:

...Которые столбы в Санкт-Петербурге и в Москве внутри городов на площадях каменные сделаны, и на них, также и на кольях винных людей тела и головы потыканы, те все столбы разобрать до основания, а тела и взоткнутыя головы снять и похоронить...⁹¹

Арест Ф.Д. Воронова явился тяжелейшим ударом по расследованию амстердамско-архангельского дела. Новые следователи — гвардии поручик Василий Иванович Иванов и от бомбардир подпоручик Василий Григорьевич Языков, добросовестные и независимые в суждениях офицеры, — и в малой степени не обладали, однако, ни компетентностью, ни опытом Федора Воронова.

Следствие вязло, утыкалось в мелочные эпизоды, все более откровенно саботировалось различными правительственными структурами. Особые трудности возникли с разбором переправленных из Голландии «писем и щотов» О.А. Соловьева. Документы были в основном на немецком и голландском языках. Попытки же добиться прикомандирования к розыскной канцелярии переводчика оказались безуспешными⁹². В довершение всего

о том не сказал он в беспамьятстве и от многих пытки. А князь Михайло Долгорукой сказал, что он того не говаривал» (см. экстракт из дела М.В. Долгорукова // РГАДА. Ф. 6. № 38. Л. 22–22 об.).

⁸⁹ Там же. № 53. Л. 8 об.

⁹⁰ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 617. Согласно Записной книге С.-Петербургской гарнизонной канцелярии, выставленные на колеса тела казненных были отданы для погребения родственникам 29 марта 1719 г. (Там же. С. 618).

⁹¹ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета 1726–1730 гг. / под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. 4. СПб., 1889. С. 47.

⁹² См.: письмо Г.И. Кошелева А.В. Макарову от 14 ноября, а также В.Г. Языкова и В.И. Иванова — ему же от 12 декабря 1718 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 36. Л. 513–513 об.; Кн. 38. Л. 109. Как сообщил кабинет-секретарю Герасим Иванович, розыскная канцелярия трижды без всякого успеха обращалась с просьбой о присылке переводчика в Коллегию иностранных дел. Когда же в Коллегию самолично явился ассессор канцелярии

при пересылке осенью 1718 г. очередной партии документов ящик, в котором они находились, был взломан⁹³.

Вскоре из следствия выбыл Герасим Иванович Кошелев. На исходе 1718 г. по своим параллельным служебным обязанностям он отправился в Ярославль и Нижний Новгород. Дело Соловьевых было передано в следственную канцелярию майора гвардии князя Г.Д. Юсупова.

Как бы то ни было, к декабрю 1718 г. предварительные итоги расследования были подведены. Начет на Дмитрия, Осипа и Федора Соловьевых составил астрономическую сумму — 709 620 рублей.

11 января 1719 г. «за похищение казны и за подложные торги, и за утайку пошлин» Петр I распорядился конфисковать имущество братьев. Общая стоимость «имения» встретивших XVIII век холопами Д.А., О.А. и Ф.А. Соловьевых была исчислена (по всей видимости, изрядно занижено) в 407 447 рублей⁹⁴.

Что же до продолжения расследования, то в апреле 1719 г. дело Соловьевых принял к производству новый глава следственной канцелярии — майор Преображенского полка Михаил Афанасьевич Матюшкин⁹⁵. Именно ему, троюродному брату царя, боевому офицеру, предстояло, разобравшись с последними тайнами господ Соловьевых, воздать им должное за «многую утрату казенного интереса». Инициированное А.А. Курбатовым в феврале 1713 г. дело близилось к финалу.

Возглавив следствие, Михаил Матюшкин целенаправленно повел дело Соловьевых к развалу. Такая позиция майора была вполне мотивирована. В случае излишнего рвения ветеран Полтавы и Прута рисковал слишком многим.

Помимо А.Д. Меншикова, за проворовавшихся братьев чем дальше, тем более открыто вступались и другие реформаторы. Так, отправивший на эшафот дьяка Федора Воронова архитектор «царевичева розыска» глава Тайной канцелярии и Коммерц-коллегии П.А. Толстой в августе 1720 г.

подпоручик В.Г. Языков, то канцлер Г.И. Головкин отговорился тем, что «немецкие переводчики болны и ныне переводить некому».

⁹³ См.: письмо Г.И. Кошелева А.В. Макарову от 17 октября 1718 г. // Там же. Кн. 38. Л. 509. Не исключено, что взлом ящика с документами был осуществлен подканцлером П.П. Шафириным. Издавна дружелюбно расположенный к братьям Соловьевым, начальствовавший над почтой, Петр Павлович вполне мог не побрезговать изъятием неблагоприятных для них «писем и щотов».

⁹⁴ См.: Выписка о деле Соловьевых 1721 г. // РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Кн. 13. Л. 73–74 об.; Архив Правительствующего сената / сост. П.И. Баранов. Т. 1. 1704–1725. № 595, 610.

⁹⁵ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 225; *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии... С. 60.

добился включения Дмитрия и Осипа Алексеевичей в состав комиссии по составлению таможенного тарифа⁹⁶. Год спустя, в августе 1721 г., Петр Андреевич и вовсе предложит «учинить» О.А. Соловьева «свободна»⁹⁷.

Не оставил в беде Соловьевых и влиятельнейший кабинет-секретарь Алексей Макаров. Как извещали Петра I следователи В.Г. Языков и В.И. Иванов,

...он, господин Макаров, за них, Соловьевых, и за племянников их и за дочь Дмитриеву генералшу Яковлеву... вступает и нам препятствует, которые подлежат сами, а о Дмитриевой дочери людьми розыскивать. И ежели бы ему, господину Макарову, какой причины не было, чтоб ему за плутов вступать и на нас протестации принимать...⁹⁸

Отчаянные попытки Алексея Курбатова предотвратить закрытие амстердамско-архангельского дела оказались безуспешными. Неудачно в итоге разыгравший последнюю козырную карту с доносом С.И. Дьякова⁹⁹, не допускаемый более до царя Алексей Александрович к 1720 г. оказался в Петербурге в совершенной изоляции. Вконец отчаявшийся Алексей Александрович на исходе 1720 г. подал Петру I повинную — потрясающий

⁹⁶ *Козинцева Р.И.* Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции // Проблемы источниковедения. Т. 10. М., 1962. С. 158. На заседания комиссии Д.А. и О.А. Соловьевых приводили под конвоем.

⁹⁷ См. записку П.А. Толстого о необходимости освобождения О.А. Соловьева от 14 августа 1721 г. // РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Кн. 13. Л. 76–76 об.; *Серов Д.О.* Строители Империи. С. 208–209. Дмитрий и Осип Соловьевы были выпущены на поруки согласно распоряжению Петра I от 21 октября 1721 г.

⁹⁸ См.: письмо В.Г. Языкова и В.И. Иванова Петру I [1720 г.] // РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 65. Л. 211. В письме Василий Григорьевич и Василий Иванович, помимо прочего, уведомили государя о весьма странной истории, связанной с финансовыми отношениями О.А. Соловьева и А.В. Макарова. Дело заключалось в том, что кабинет-секретарь фигурировал в присланной Б.И. Куракиным росписи должников Осипа Алексеевича. Согласно данным росписи, Алексей Васильевич задолжал Осипу Соловьеву довольно приличную сумму 900 рублей (все годовое жалованье кабинет-секретаря составляло в 1716 г. 300 рублей: Сборник выписок из архивных бумаг... Т. 2. С. 24). Первоначально О.А. Соловьев, «табель смотря», подтвердил существование этого долга. Спустя неделю бывший амстердамский комиссар заявил, однако, что «оного долгу взять на нем, господине Макарове, не надлежит».

⁹⁹ Как ни парадоксально, но С.И. Дьякову удалось вскоре полностью оправдаться перед А.Д. Меншиковым. Уже в 1720 г. вчерашний «доноситель» как ни в чем ни бывало отправлял весьма ответственную должность по «смотрению вотчинных интересов» Александра Даниловича. В письме к супруге светлейшего князя Дарье Михайловне и ее сестре В.М. Арсеневой от 6 апреля 1720 г. Семен Дьяков, возвращаясь к недавним событиям, писал, что «со прегодными каганы Соловьевыми начал точить войну, воистину погибающих ради ваших государских интересов, на что свидетель Божественное око, яко не лгу. Известны же не помалу были и ваши святая души, и себе ничего тогда не приобрел, бедной, кроме напастей, от которых... был при... врат[ах] смертных, кому ж во гладе и хладе от них, Соловьевых...» (РГАДА. Ф. 198. № 1177. Л. 65).

документ, крик души человека, смыслом жизни которого было служение России¹⁰⁰. Тщетно. Царь проигнорировал оправдания самого талантливо-го из своих «министров».

Но перед бывшим вице-губернатором проступали и куда более зловещие перспективы. Фактически остановив расследование дела Соловьевых, майор Михаил Матюшкин со всей решительностью возобновил судебное преследование их разоблачителя. В отличие, правда, от покойного князя М.И. Волконского, Михаил Афанасьевич был умереннее в своих обвинениях. По 12 эпизодам, расследованным его канцелярией, начет на А.А. Курбатова составил 16 274 рубля¹⁰¹. Впрочем, для смертного приговора хватило и этой суммы.

Алексею Александровичу не суждено было, однако, оказаться в руках палача. В последний момент приблильщику удалось переиграть «злую фортуна».

Государь мой Алексей Васильевич.

Уведомился я, что Алексей Курбатов умре. А по делам, которые изследованы в канцелярии ведения нашего и, по приговору штап- и обор-афицеров, вершено об нем, Курбатове, 12 дел. А по тем делам велено доправить и о докладе его величества о винах оного Курбатова и о неизследованных делах, и за чем не изследованы, о том явно в предложении при сем писме, в мемориале. Прошу вас поволить по тому мемориалу доложить его величества. Мертвое тело оного Курбатова погребать повелено ль будет, для того что по тем вершеным делам за остановкою неизследованных дел о винах ево, Курбатова, его величеству не докладывано и экзекуции над ним, Курбатовым, никакой не чинено. А без доклада его величества оное Курбатова тело погребать не смею.

Покорный слуга ваш, моего государя

Михаил Матюшкин.

июля 29 дня

1721 году¹⁰²

Место захоронения Алексея Курбатова неизвестно.

¹⁰⁰ Текст повинного письма А.А. Курбатова Петру I [1720 г.] см.: Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 94. Л. 438–441. Предварительный (более краткий) вариант повинной — «Предложение Алексея Курбатова по делам, до него касающимся» — был передан царю в качестве предложения к челобитной Алексея Александровича от 16 декабря 1720 г. (Там же. Кн. 52. Л. 816–818).

¹⁰¹ См.: «Мемориал» о винах А.А. Курбатова [1721 г.] // Там же. Кн. 56. Л. 231–231 об.

¹⁰² Там же. Л. 229; *Серов Д.О.* Строители Империи. С. 202–203. Что касается Д.А. и О.А. Соловьевых, то они были освобождены на поруки согласно распоряжению Петра I от 21 октября 1721 г. (РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Кн. 13. Л. 74; СИРИО. Т. 11: Указы, письма, бумаги и резолюции Императора Петра I (1704–1725 гг.). С. 433).

Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700–1720-е годы) [Текст] / сост. и науч. ред. Д. О. Серов, А. О. Видничук, А. В. Жуковская, И. И. Федюкин ; авт. науч. ст. и коммент. Д. О. Серов, А. В. Жуковская ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. — (Новые источники по истории России = Rossica Inedita). — 551, [1] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2329-2 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2870-9 (e-book).

В очередной книге серии впервые собраны вместе документы Алексея Александровича Курбатова (1663–1721), самого яркого из прибыльщиков петровского времени, бывшего боярского слуги, который стал «изобретателем» целого ряда ключевых реформ, управлял Архангельской губернией и закончил жизнь под следствием. Издание включает письма Курбатова Петру I и некоторым ведущим деятелям Петровской эпохи, предлагавшие Курбатовым проекты реформ, материалы его следственного дела и другие документы, многие из которых публикуются впервые. В двух вводных статьях подробно рассматривается биография Курбатова и его государственная деятельность.

Книга адресована историкам, культурологам, филологам, а также широкому кругу читателей.

УДК 929:94(47).05
ББК 63.2+63.3(2)51

Составители, научные редакторы,
авторы научных статей и комментариев

Дмитрий Олегович Серов (1963–2019),

д.и.н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Новосибирского государственного университета экономики и управления

Анастасия Олеговна Видничук,

м.н.с. Центра истории России нового времени Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Анна Владимировна Жуковская,

PhD, н.с. Центра по изучению России, Кавказа и Центральной Европы,
Высшая школа общественных наук (Париж, Франция)

Игорь Игоревич Федюкин,

PhD, доцент Университета ШанхайТех (Шанхай, Китай)

Letters and papers of Aleksei Kurbatov, an “inventor of revenues” (1700–1720s) / edited by Dmitrii O. Serov, Anastasiia O. Vidnichuk, Anna V. Joukovskaia, Igor I. Fedyukin and with an introduction and commentary by Dmitrii O. Serov, Anna V. Joukovskaia ; HSE University. — Moscow: HSE Publishing House, 2023. — (New sources on the history of Russia = Rossica Inedita). — 552 pp. — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-2329-2 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-2870-9 (e-book).

The new volume in the series brings together for the first time the papers of Alexei Alexandrovich Kurbatov (1663–1721), the most notable among the profit-makers of Peter I’s reign, a former boyar’s servant who became the “inventor” of a number of key reforms and the governor of Arkhangelsk, but ended his days under investigation. The publication includes Kurbatov’s letters to Peter I and to some of the leading figures of the Petrine era, Kurbatov’s reform proposals, materials of his investigation, and other documents, many of them published here for the first time. Two introductory articles examine in detail the biography of Kurbatov and his activities as a reformer and government official.

The book is addressed to students of history, culture, and literature, as well as to the general audience.

Editors and the authors of the introduction and commentary

Dmitrii Serov (1963–2019),

Dr. Hab. (History), Head of the Department of the Theory and History of State and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management

Anastasiia Vidnichuk,

junior research fellow, Center for Imperial Russian History, HSE University

Anna Joukovskaia,

PhD, research fellow, Centre for Russian, Caucasian and Central European Studies, EHESS (Paris, France)

Igor Fedyukin,

PhD, associate professor, ShanghaiTech University (Shanghai, China)

Научное издание

Серия

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ROSSICA INEDITA

ПИСЬМА И БУМАГИ ПРИВЫЛЬЩИКА АЛЕКСЕЯ КУРБАТОВА
(1700–1720-е годы)

Составители и научные редакторы

Дмитрий Серов, Анастасия Видничук,

Анна Жуковская, Игорь Федюкин

Зав. книжной редакцией *Елена Бережнова*

Редактор *Галина Шерихова*

Корректор *Елена Андреева*

Дизайн серии: ABCdesign

Обложка и вклейка: ABCdesign

Татьяна Борисова

Макет: *Даниил Бондаренко*

Верстка: *Ольга Быстрова*

Все новости издательства – <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации

Тел.: +7 499 611-24-16, +7 495 624-40-27

bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 15.06.2023. Формат 84×108/32

Гарнитура Linux Libertine. Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 24,8

Печать струйная ролевая. Тираж 600 экз. Изд. № 2449

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: +7 495 624-40-27

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru

Тел.: +7 499 270-73-59